

БИБЛИОТЕЧКА
ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. МЕБЕЛЯ, В. НЕВСКОГО И С. ПИОНТКОВСКОГО

П. ПАРАДИЗОВ

ДЕКАБРИСТЫ

«ПРОЛЕТАРИЙ»

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF THE HISTORY OF ARTS
AND ARCHITECTURE

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

63.3(2)52
П 18

БИБЛИОТЕЧКА ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. МЕБЕЛЯ, В. НЕВСКОГО И С. ПИОНТКОВСКОГО

П. ПАРАДИЗОВ

ДЕКАБРИСТЫ

Может быть

**К. ЛЕКЦИЯ
ЗОРКИНА В. И.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОЛЕТАРИЙ»
1930

Библиографическое описание этого издания помещено в „Літопису Українського Друку“, „Карточном репертуарі“ и др. указателях Української Книжної Палати

**ГУМАНИТАРНИЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК**

105052

ФРК

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

Напечатано во второй типографии
Издательства „Пролетарий“,
Харьков, ул. К. Либкнехта, 38
в колич. 10.000 экзмп.
3 печ. листа 24 стр.
Укрит № 526.
Зак. № 374.

КНИЖНИЙ ЦЕНТР
ИРКУТСК

I. Социально-экономические предпосылки движения декабристов.

Развитие капита-
лизма в конце
XVIII и в начале
XIX в. в.

Общая, но и самая глубокая причина общественного движения в России первой четверти XIX ст. в целом и заговора декабристов, как самого яркого акта проявления этого движения, — есть столкновение на русской исторической арене торгового и промышленного капитала.

Свободный рабочий, без которого немислимо развитое капиталистическое хозяйство, был получен русским буржуа не без ожесточенной и длительной, охватывающей десятилетия, борьбы. „Нам приходится, — говорит исследователь этой эпохи, — отнести зарождение промышленного капитализма в России к моменту, приблизительно, на полстолетия предшествующему крестьянской реформе, т.-е. к началу XIX ст. В начале же XIX ст. промышленный капитализм сложился на почве, подготовленной второй половиной XVIII в.“¹⁾

Рубеж этих двух веков характеризуется значительным ростом русской мануфактуры, притоком относительно свободных рабочих в города и, наконец, ростом самих городов.

¹⁾ М. Н. Покровский — „Декабристы“, сборник статей, ГИЗ, 1927 г., стр. 5.

Крайне медленный темп промышленного развития страны, столь характерный для первой половины XVIII в., заметно ускоряется в последней трети его. Так, в год вступления „дворянской матушки“ Екатерины II на престол (1762), в России насчитывалось около 984 фабрично-заводских предприятий (не считая горных), а в год ее смерти (1796) их было уже 3.161. Этот огромный скачок был продуктом сравнительно благоприятных условий для роста промышленности в те времена. Предшествующий период накопил, хоть абсолютно и ничтожное, но относительно значительное количество обученных рабочих, что в некоторой степени ослабляло зависимость русской промышленности от дорого стоящей иностранной квалифицированной рабочей силы.

Возросло и городское население с 324.000 (1724 г.) до 1.301.000 (1796 г. ¹). А рост городского населения, кроме всего прочего, создавал благоприятные предпосылки для развития промышленных предприятий в городах.

Но едва ли не важнейшим моментом, способствовавшим успехам предпринимательства, является быстрое распространение оброчной системы,— органически связанное с самим ростом промышленности,— в помещичьих имениях центральной России конца XVIII и начала XIX вв. ²)

Десятки тысяч оброчных крестьян уходили на даль-

---

¹) П. Н. Милюков — „Очерки по истории русской культуры“, СПб, 1896 г. т. I, стр. 79.

²) См. В. И. Семевский — „Крестьяне в царствование Екатерины II“ и „Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX вв.“.

ние заработки, иногда за сотни верст от своих деревень. Они-то и составляли основную армию промышленных рабочих, поступая в качестве вольнонаемных на фабрики и заводы. Этот момент сыграл крупнейшую роль в процессе развития недворянского предпринимательства. Теперь фабрикант уже не был вынужден покупать, во что бы то ни стало, крестьян или формировать кадры рабочих из пауперов. Само предприятие постепенно перерождается из предприятия, основанного на крепостном труде, в фабрику, эксплуатирующую полусвободного рабочего.

Процесс отхода оброчных на заработки в рассматриваемую эпоху достиг уже такого размаха, что о нем свидетельствуют не только русские источники, но и иностранцы, посещавшие тогда страну. Статистические данные как нельзя лучше иллюстрируют это явление.

Так, в одной Ярославской губернии было выдано паспортов:

В 1778 г.	53.656
„ 1788 „	70.144
„ 1798 „	73.663

385.008 человек—таково было все население Ярославской губернии по пятой (1796 г.) ревизии. Таким образом, 20% всего мужского и более трети взрослого мужского населения губернии уже в конце XVIII в. занималось неземледельческим отхожим промыслом. Тот же процесс, правда в несколько меньшем объеме, протекал тогда в Московской, Костромской и некоторых других губерниях ¹⁾.

¹⁾ Туган-Барановский — „Русская фабрика“.

Он, повторяем, и лег одною из основ в развитии промышленного капитализма в России.

Вот, как росла русская фабрика в первой четверти прошлого века ¹⁾:

Годы	Количество фабрик	На них рабочих	В том числе вольнонаемных
1804	2.423	95.202	45.625
1814	3.731	165.530	99.762
1825	5.261	210.568	114.508

Приведенные цифры имеют в виду только фабричную промышленность, но и здесь за десятилетие 1810—1814 гг. мы имеем увеличение количества фабрик на 1.808 (57%) при увеличении числа рабочих на 74.328 (74%), что свидетельствует о некоторой концентрации, и рост удельного веса вольнонаемного труда с 48% до 60,5%, при чем, при росте общего числа рабочих на 74% число вольнонаемных возросло на 120%.

Если бы мы оперировали данными только по одной хлопчатобумажной промышленности, картина стремительного развития была бы еще ярче.

Бесспорно, что все эти успехи капитализма в России в значительной, решающей степени должны быть отнесены на счет континентальной блокады, значение которой во многих событиях так называемой Александровской эпохи еще недостаточно изучено и оценено.

Фритредерские тарифы 1816—1819 гг. нанесли значительный ущерб русскому предпринимательству.

¹⁾ А. Семенов — „Изучение исторических сведений о росте внешней торговли и промышленности с половины XVIII в. по 1858 г.“, СПб., 1859 г., т. III, глава IX.

В эти годы промышленность, после буйного развития, вступает в полосу некоторого кризиса: „Многие купцы обанкротились, фабриканты вконец разорились, а народ лишился способов к пропитанию и к оплачиванию податей“, — характеризует этот этап известный „Свод“ показаний декабристов¹⁾.

Кризис обострил отношения промышленных кругов к правительству, но протекционистский тариф 1823 г. исправил дело, и с тех пор мы имеем непрерывный рост предпринимательства, что видно из таблицы²⁾:

Годы	Число фабрик	Всего рабочих
1832	5.658	272.490
1842	6.930	455.825
1852	9.843	517.079

Таким образом, еще за десятилетие до крестьянской реформы, по далеко не полным данным, число рабочих, непосредственно занятых в промышленности перевалило за полмиллиона. При этом следует отметить, что уже с конца сороковых годов свободный труд преобладает в промышленности, если не считать горное дело, где вплоть до 19 февраля, по ряду причин, господствовал крепостной труд.

Вторым важным обстоятельством является вырождение дворянской фабрики. Число этих последних в начале пятидесятых годов упало до 5—6% общего числа фабрик. В качестве предпринимателя дворянина вытеснял не только купец, фигура хорошо известная

¹⁾ См. этот „Свод“ в записках А. Д. Боровкова — „Русская старина“, 1898 г., кн. XI.

²⁾ А. Семенов, цит. соч.

еще в петровские времена, но и крестьянин-капиталист.

Не следует забывать, что мы оставили в стороне такую важную отрасль промышленности, как строительная, а между тем, известный „монаршист“ Екатерининских времен кн. Щербатов в своей „Статистике в рассуждении о России 1776 — 1796 гг.“¹⁾ указывает, что еще в конце XVIII в. одна Москва, по - тогдашнему, поглощала огромные массы строительных рабочих. Эта строительная горячка достигла наивысшего напряжения после наполеоновских войн, когда приходилось почти заново создавать Москву.

Итак, в начале XIX в. имелся уже относительно широкий рынок относительно же свободных рабочих рук; на ряду с этим формировался внутренний рынок. Предшествующий период создал и минимально необходимые капиталы. В среде русского торгово-промышленного класса тех времен были не так уж редки люди с миллионным состоянием. Все это еще, конечно, не создало из России помещичьей—Россию буржуазную, но весьма серьезные последствия за собой влекло.

Русская мануфактура, как в свое время и немецкая, располагала не только рынком, предъявляющим спрос на предметы широкого потребления, но и казенным рынком, игравшим роль золотого дна для предпринимателя. Последняя треть XVIII и начало XIX в. это эпоха перманентных войн и чудовищного роста русской армии. Насчитывавшая в начале Екатерининского царствования 180.000 человек, она выросла вдвое в конце его, а не-

¹⁾ Переиздана в СПб. в 1896 г.

задолго до восстания на Сенатской площади достигла рекордной цифры — в 800.000 человек:

Это не могло не явиться одним из могучих стимулов к развитию русского капитализма. Казенный рынок поглощал массы текстильных, кожаных, металлических и пр. изделий, составляющих предмет снабжения миллионной армии.

Но рождение промышленного капитализма всегда и всюду сопровождалось более или менее острой борьбой его с капитализмом торговым, являющимся носителем иной идеологии.

Промышленный капитализм есть система, покоящаяся на эксплуатации свободного труда и потому не нуждающаяся, на известной стадии развития, во внеэкономическом принуждении, а, стало-быть, и во всей той социально-политической системе, которую создает в своем историческом развитии торговый капитал.

Фигура, стоящая между предпринимателем и рабочим — помещик — поглощающая, опираясь на крепостное право, 30 — 40% заработка рабочего, — эта фигура, с точки зрения промышленного капиталиста, ведет паразитическое существование и на определенном историческом этапе становится более или менее излишней.

Так непосредственным результатом рождения промышленного капитализма в России была деловая, аргументирующая от „экономического разума“, а не от „возмущенного чувства“ (Радищев) постановка вопроса о ликвидации крепостного права.

Промышленный капитал, не заинтересованный во внеэкономическом принуждении, не дорожил и силой,

необходимой капиталу торговому — крепостничеством и самодержавием.

Казалось бы, при таких условиях серьезное столкновение этих сил было неизбежно. Но история отодвинула его на десятки лет. Русский промышленник довольно скоро уразумел, что самодержавие далеко еще не утратило для него необходимость, что он еще нуждается в нем для, так сказать, „регулирования“ рабочего дня, для удержания рабочего в нормальной зависимости от капитала,—но этому уразумению предшествовал серьезный по своим последствиям эксперимент.

Годы пребывания Сперанского — этого „русского Кольбера“, у которого господство „науки, промышленности и коммерции“, неразрывно с политической свободой, было заветной мечтой—в большом фаворе,—недурная иллюстрация тому, как даже верховная власть в лице Александра I склонялась к ориентации на новую социальную силу—промышленный капитал.

Однако какое отношение все это вместе взятое имеет к декабристам, не бывшим, за немногими исключениями, фабрично-заводскими предпринимателями ни по положению, ни по происхождению? Самое непосредственное: связь между идеологией экономически передовых элементов помещичьего класса и идеологией промышленного капитала, на данном этапе — неоспоримый исторический факт. В основе этой связи лежало временное, и, нужно сказать, весьма относительное, единство экономических интересов названных классов. И те и другие, по-разному рисуя себе эту операцию, сходились прежде всего на требовании ликвидации крепостного права. Именно

этот пункт был центральной идеей во всех тайных декабристских обществах, от „Соединенных славян“ до „Северного общества“. На нем по-разному, и притом решительно по-разному, понимая пути и условия ликвидации крепостничества, сходились все крупные политические головы заговора. А разрешение аграрной проблемы во вкусе конституционного проекта Никиты Муравьева вполне совпадает с политическими построениями на сей счет промышленного капитала. Откуда проистекало построение идеологов этого последнего, уже выяснено выше. Но что тянуло на тот же путь дворянство?

Ведь еще в конце XVIII и даже в начале XIX в. оно, устами своих публицистов: Карамзина, Щербатова, Швиткова и др., восхваляло крепостничество¹⁾. Правда, находились и тогда одиночки из дворянской среды, поднимавшие голос протеста и наивно взывавшие к совести „благородного сословия“, но безуспешно. Даже прежде чем быть услышанным, такой голос смолкал за стенами Петропавловской крепости, а дворянство вполне одобряло правительство, сокрушавшее крамолу,—достаточно вспомнить судьбу Радищева.

Причины „манчестерских“ настроений некоторых кругов помещиков.

Итак, что же рождало антикрепостнические настроения в дворянстве России в первой четверти минувшего столетия?

Исследователи-идеалисты весьма склонны объяснять это явление преимущественно субъективными моментами: влиянием

¹⁾ См. напр. статью Швиткова в „Трудах Вольного экономического общества“, т. 57, стр. 111—142.

литературы, наполеоновских войн, впечатлением русских дворян от наблюдения быта западно-европейских стран и т. д., — словом, „духом времени“. Но сущность дела, разумеется, отнюдь не в этом, — в основе перелома политических настроений некоторой части русского дворянства лежат серьезные изменения в положении самого крепостного поместья.

Почти до самого конца XVIII в. „товары, к жизненным припасам принадлежащие“, как именуют все зерновые продукты в статистике тех дней, составляли ничтожную часть в нашем экспорте по сравнению с „товарами, к рукоделию и фабрикам служащими“ (промышленное сырье, главным образом). Картина заметно меняется уже в последние годы позапрошлого века. Так, в 1786 в. из портов Черного моря (через балтийские порты шли, главным образом, рожь ячмень и овес) было вывезено 11.270 тонн пшеницы, а в 1793 г. уже 26.558 тонн, за семь лет увеличение более чем вдвое — на 133%. Но это было сущей безделицей по отношению к тому гигантскому скачку в экспорте русского зерна, который падает на пятилетие 1800—1805 гг. Средний годовой вывоз, правда уже не одной пшеницы, а всех видов зерновых культур, за это пятилетие исчисляется в 2.218.307 четвертей. В основе этого стремительного подъема хлебного вывоза лежал промышленный переворот в Англии.

Континентальная блокада жестоко ударила по карману помещика, — это годы жалоб на „плохие времена“. В 1806—1810 гг. средний годовой вывоз упал до 595.953 четвертей, в 1811—1816 гг. до

549.620 четвертей. Но с 1816 г. настает новый бурный подъем ¹⁾).

Годы	Экспорт пшеницы в тоннах	Экспорт ржи в тоннах
1816	236.285	93.300
1817	343.273	423.000
1818	291.000	213.000

Если взять средний годовой экспорт одной пшеницы в 1801—1805 гг. за 100%, то мы получим следующую картину ²⁾:

Пятилетия	Вывоз пшеницы в тоннах	Процентное отношение к среднему годовому экспорту за 1801—1805 гг.
$\frac{1801-1805}{5}$	174.558	100
$\frac{1806-1810}{5}$	29.000	16,6
$\frac{1811-1815}{5}$	83.000	48,1
$\frac{1816-1820}{5}$	283.610	162,4

Достаточно взглянуть на цифры экспорта за 1806—1810 гг., чтобы понять, откуда проистекает „бескорыстный“ патриотизм российского дворянства в эпоху континентальной блокады и его ненависть к этой блокаде и ее вдохновителю Наполеону. Для пращуров же Колупаевых и Разуваевых блокада была пред-

¹⁾ См. Г. Небольсин — „Статистическое обозрение внешней торговли в России“, СПб, 1850 г., т. I.

²⁾ „Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли в России“ под редакцией В. Покровского. СПб, 1902 г., т. I, стр. 15.

метом молитвенного преклонения, ибо она ограждала их от непосильной конкуренции с британскими изделиями. Выше очерченный быстрый рост хлебного экспорта счастливо совпал для русского помещика с подъемом хлебных цен. Если в середине XVIII в. квартал пшеницы на лондонской хлебной бирже расценивался, приблизительно, в 40,7 шиллингов, то средняя цена его в 1800—1810 гг. возросла до 74 шилл., а в период 1811—1816 гг. уже до 85,5 шилл. ¹⁾).

Эти крупнейшего экономического значения процессы, на фоне всей тогдашней обстановки, и вызвали некоторый кризис в дворянском мировоззрении. Когда зерновой рынок был узок, ограничен, русский помещик довольствовался малопроизводительным барщинным трудом, но стоило этому рынку расшириться, казалось бы, до неограниченных размеров, как помещик, уже ранее, устами наиболее передовых „хозяйствующих субъектов“, отмечавший низкую производительность крепостного труда, посвящает этому вопросу исключительное внимание ²⁾). Вольное экономическое общество публикует целый ряд проектов интенсификации земледелия. Проблема интенсивного сельскохозяйственного производства ставится во всю ширь

¹⁾ Г. Небольсин, цит. соч.

²⁾ См. хотя бы „Опыт истории налогов“ Н. И. Тургенева, СПб, 1819 г., изд. второе.

Некоторые из русских исследователей оспаривают положение, что свободный труд и в земледелии производительней крепостного. П. Струве еще в 1913 г. (см. его „Крепостное хозяйство“) занимался такого рода „оспариваниями“, тогда как в ложности своих утверждений он мог бы убедиться из Маркса, даже Д. Стюарта, наконец из „Трудов В. Э. О.“, на которые он так часто ссыдался.

и глубь, а разрешение этой проблемы упиралось в существование крепостного права. Недвусмысленной иллюстрацией того, что эти объективные хозяйственные процессы не оставались без сильнейшего влияния на будущих декабристов, служат аграрные проекты Якушкина и Муравьева, относящиеся как раз к 1819—1821 гг.

Даже правительство вступило на этот путь. По приказанию Александра, Аракчеев выработал проект освобождения крестьян, а Новосильцев — монархической конституции. В этот, первый, период, 1816—1820 гг., либеральное движение охватывает не только будущих заговорщиков. Либерализм был настроением и передовых кругов промышленников и дворянства, политические настроения которых, в этот период, отчасти совпадали. Передовой помещик искал пути к интенсификации труда, к аграрному капитализму, — перспективы были уже слишком заманчивы; промышленник — к свободному рабочему. Эти стремления логически завершались чаянием нового конституционного порядка. „Недовольство“ старым было широко разлито в различных классах русского общества. Тут и жалобы помещика, и стоны предпринимателя на „истинное разорение“ от неустойчивости правительства во внешней экономической политике, и катастрофически быстрый рост задолженности дворянства, частью даже буквальная его пролетаризация (последний тип дворянина был представлен и в самих тайных обществах декабристов, например, „Соединенными славянами“ или Каховским).

Особенной остроты и действительно крупного размаха этот затяжной процесс достиг, правда, только

в 20—40-х гг. XIX в., когда сельское хозяйство страны вступило в полосу жестокого аграрного кризиса¹⁾. Декабристы являлись в этот период, так сказать, застрельщиками и негласными вождями оппозиции. Александру было известно о существовании тайного общества (речь идет, конечно, о первоначальном „Союзе благоденствия“) и, тем не менее, он ничего не предпринял к его ликвидации, да и сами тогдашние „заговорщики“ намеревались еще в 1818 г. просить чего-то в роде шефства у Александра.

Казалось бы, при таких условиях крепостное право и абсолютизм должны были пасть — однако этого не случилось, и вот почему. Изложенная выше программа отвечала интересам лишь определенной части дворянства и была приемлема только для помещиков „средней полосы России, для классического земледельческого района“ (М. Н. Покровский). Вот, почему к ней в лучшем случае с безразличием, а чаще всего с резкой враждебностью относились помещики черноземной полосы, Поволожья, Новороссии и т. д., кровно заинтересованные в сохранении обоих институтов не только потому, что здесь даже при самой примитивной обработке почти девственная почва давала изрядную ренту, но и потому, что им были необходимы рабочие руки, единственный путь к приобретению которых была покупка крестьян в густо населенных центральных губерниях — без земли, „на своз“. Запрещение Александром этих коммерческих операций с „креще-

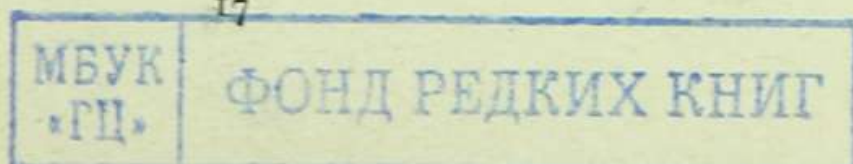
¹⁾ К 1833 г. помещиками было заложено на 270 млн. руб. серебром душ обоого пола. См. Игнатович — „Помещичьи крестьяне накануне освобождения“.

ной собственностью" оставалось номинальным, ибо иных путей к колонизации богатейших окраин не было. Отходила от этой программы и крепостная знать, ютившаяся при дворе или в дворянской столице— в Москве, державшая своих крестьян на оброке. Не заинтересованная в барщине, позднее она шла на проекты личного освобождения под условием получения огромного выкупа за освобождение „души“ крепостных, но сохранение огромной машины внеэкономического принуждения — самодержавия— было условием ее пышного и безмятежного существования.

Таковы основные причины того, что реализация программы, выдвинутой в начале XIX века, наступила только 40 лет спустя, когда, с одной стороны, круг манчестерски настроенного дворянства расширился, с другой—промышленный капитал вырос уже в очень внушительную силу и с ним приходилось не просто считаться, а служить ему. Ближайшей же причиной того, что волна общественного движения в двадцатых годах резко пошла на убыль, явился тот же самый хлебный экспорт.

Сигнал к повороту направо был дан самим Александром, под влиянием ряда революционных переворотов и военных мятежей в южно-романских странах, с одной стороны, восстания Семеновского полка и довольно грозной волны крестьянских „беспорядков“, прокатившейся по России,—с другой. Здесь мы не можем входить в детальный анализ причин и размеров отмеченного явления. Наличие волнений и существенная роль их в переломе политических настроений как правящих сфер, так и оппозиционных кру-

гов — в свете новейших архивных данных — не подлежит сомнению. Что это действительно так, достаточно подтверждает, напр., давно известный официозный труд „доктора прав и философии“ Варадинова¹⁾, в котором, хоть и сухо, но с достаточной убедительностью показана борьба правительства с растущим солдатско-крестьянским движением в 1818—1822 гг. В этот период „нарушение общественного спокойствия и безопасности“, — выражаясь языком упомянутого „доктора философии“, — довольно бурно проявило себя в форме массового дезертирства из армии солдат, находивших себе приют у крестьян, бегства крестьян от помещиков, „буйства“ крепостных, иногда сопровождавшегося убийствами, поджогами поместий и т. д.

Архивные источники свидетельствуют о том же остром недовольстве широких крестьянских масс существовавшим социально-экономическим режимом, недовольстве настолько остром, что по временам оно прорывалось, несмотря на кровавые расправы, в форме открытого сопротивления политике самой верховной власти. Мы имеем в виду ряд значительных волнений и бунтов крестьян на почве попыток реализации идеи военных поселений. Попытки осуществить это „гениальное“ изобретение государственных умов Александра I и Аракчеева, как известно, в конце концов, жалко провалились, что не мешало, однако, им способствовать накалению политической атмосферы того времени.

При основании военных поселений правительство, в подавляющем большинстве случаев, встречало упор-

¹⁾ См. „История министерства внутренних дел“, ч. II.

ное сопротивление. Так, например, было при переводе Бугского войска в состояние военных поселян, когда 64 „зачинщика“, приговоренные первоначально к смертной казни, поплатились ссылкой в Сибирь и шпицрутенами за оказанное сопротивление. С тем же явлением мы сталкиваемся при основании поселений и в Холынской вотчине¹⁾ и на юге, в Слободско-Украинской губернии в 1817 — 1820 гг. Сокровенные причины, заставлявшие крестьян противиться аракчеевским благодеяниям, с достаточной яркостью обрисованы в челобитной на имя Александра I, поданной неким Павлом Панченко от имени 5.000 поселян слободы Печенег, Волчанского уезда Слободско-Украинской губ. (в этой губернии формировалось поселение 3-й уланской дивизии под командой ген. Г. Лисаневича). „...А сего 1817 года июня месяца, читаем мы в этой челобитной, поставлен в слободу верителей моих вашего имп. в-ства Таганрогской уланской полк и в октябре месяце обратили всех верителей моих, состоящих в подушном окладе до пяти тысяч душ, в военные поселяне без всяких податей в число оных таганрогских уланов по указу вашего имп. в-ства и по превращении господина полковник оного полка Степанов запретил посев озимого хлеба и выбрал всех кроме малолетних и престарелых выстригя головы и расставя из домов своих по другим селениям производит ежедневное полковое учение и употребляет в разные работы и при том без всякой пред ним винности и буянства назвавши бунтовщиками запер на гобвахт двадцать

¹⁾ Фонд Деп. воен. поселений. Рескрипты и доклады высочайше подтвержденные за 1817—1818 гг., лл. 78—81, 99—102.

четыре человека держал более суток морил голодом и выпуская бил всех без пощады из числа коих двум человекам Ильи Ковтуну и Ефиму Барабашу причинил багровые раны¹⁾. Далее проситель сообщает, что жалобы их на Степанова со стороны Лисаневича остались без последствий и что гражданские власти вообще отказываются принимать какие бы то ни было заявления от поселян. Заметим, кстати, что сам Панченко при начале следствия по делу о бунте поселян слободы Печенег вынужден был бежать во избежание возмездия за учиненный им „бунт“ в виде всеподданнейшего прошения.

Какой ужас несли с собою военные поселения видно хотя бы из того, что лейтмотивом всех обращений к царю является просьба поселян обратить их „в первобытное состояние“. Даже обычное бесправие, столь характерное для социального положения крепостных и казенных крестьян той эпохи,— казалось военным поселянам чем-то заманчивым. И естественно, что в крестьянских массах выростала к александровскому режиму острая ненависть, время от времени прорывавшаяся то в виде Чугуевского бунта, то в виде дикой расправы со знаменитой аракчеевской Настасьей.

Настроения, характерные для военных поселян, нередко захватывали и другие слои крестьянского населения страны. „Слух носится, — пишет Лисаневич в донесении Аракчееву от 9 февраля 1818 г., — что

¹⁾ Фонд Деп. воен. посел. Особое дело о происшествиях в округе военных поселений Таганрогского уланского полка с 1/XII — 1817 по 25/XII — 1818 года, лл. 26 обор. и 27-й.

и казенные селения тож говорят невыгодно, ожидая у себя подобного поселения, я открыл сие гражданскому губернатору Муратову для секретного надзора...“ и т. д. „Военные поселения удерживаются, наконец, силою, но самые силы сии,—откровенно признается в том же донесении Лисаневич,—по многим причинам недостаточны к кроткому их повиновению... Ежели чугуевцы поступят подобно другим округам, там без посторонней силы предпринимать опасно что-либо к усмирению и к послушанию¹⁾).

В заключение Лисаневич предлагает, под видом расквартирования, ввести в беспокойные места регулярные войска.

Нужно ли доказывать, что эта напряженная атмосфера не могла не влиять и на увядание александровского либерализма и на процесс политической дифференциации в самих тайных обществах той эпохи.

Бегло очерченные выше явления и послужили источником перелома в политике монархии. Поставленное между перспективой революционного взрыва снизу и либерально-реформаторской деятельностью сверху, правительство круто меняет курс. Проектам конституции и ликвидации крепостного права спешно поется отходная. Аракчеев властвует безраздельно.

Мракобес Фотий — желанный гость императора. Народное просвещение сдается „на откуп“ непревзойденным реакционерам Голицыным и Магницким. Армия наводняется кадром провокаторов. Указом 1822 г. уничтожаются масонские ложи и всякого рода нелегальные и полунелегальные общества. Наступает эпоха

¹⁾ Там же, лл. 103—104.

жесточайшего реакционного похмелья. Перед лицом народной революции, промышленник мирится с дворянином, как много лет спустя Гучков лобызался со Столыпиным. Одним из „ключей“ к пониманию объективных причин, разряжавших ряды тех дворянских групп, которые стояли на позиции промышленного капитала, является хлебный экспорт.

Аграрный кризис
20-х гг. XIX ст. и
его следствия.

Если средняя цена за квартал пшеницы на английском рынке в 1810—1819 гг. — 87,5 шилл., то уже в 1820 г. она спустилась до 67,1 шилл., в 1821 г. — 56,5 шилл., в 1822 г. — 44,7 шилл.; значительный подъем цен наблюдается только с начала тридцатых годов¹⁾.

Катастрофически упал и средний годовой вывоз хлеба. С 283.610 тонн периода 1816—1820 гг. до 138.000 тонн в 1821—1825 гг. — это по пшенице; а по ржи вывоз снизился с 135.524 тонн в первый период до 11.955 тонн за второе пятилетие, т.-е. составлял только 8,8% экспорта 1816—1820 гг.²⁾.

Причины этих плачевных для русского помещика перемен лежат в усилении производства хлеба на территории главного потребителя русского хлеба — Великобритании, установившей в связи с этим переменные пошлины на импортное зерно. Кроме того, в двадцатых годах на мировой хлебный рынок выступает целый ряд стран от востока до дальнего запада.

Континентальная блокада не только вводила в „истинное разорение“ помещика в годы самого ее

¹⁾ Г. Небольсин, цит. соч.

²⁾ В. Покровский, цит. таблица.

действия, но и авансом сулила ему отнюдь не радужные перспективы. Мало того, что богатый русский барин, в эти годы лишенный вошедших в его жизненный обиход английских товаров, покупал втридорога аналогичные и во столько же раз худшие изделия „отечественной промышленности“, что отнюдь не приводило его в восторженное состояние,— история готовила ему плохой сюрприз.

Отрезанная кольцом блокады от русского хлеба, Англия, путем вложения капиталов в земледелие и применения машинной техники, добилась увеличения производства хлеба до таких размеров, которые, хоть и с трудом и с искусственным понижением потребления эксплуатируемых масс, покрывали внутренний спрос. Проигрыш русского помещика стал выигрышем английского, которому временно удалось добиться установления так называемых хлебных законов. Правда, эффект этих перемен стал сказываться на русском экспорте только в двадцатых годах, при чем в 1821—1822 гг. хлеб в Англию вовсе не вывозился. Русское сельское хозяйство вступило в полосу кризиса.

Оптимистические взгляды на огромную, практически безграничную емкость мирового хлебного рынка оказались для данной, по крайней мере, эпохи, построенными на шатких основаниях, и далеко не безопасная игра в „освобождение“ крестьян и конституцию не стоила свеч. Не стоило расставаться, ради весьма проблематичных выгод, с привычной формой хозяйства. В этот период в „Трудах“ все того же Вольного экономического общества можно нередко встретить панегирики крепостничеству, так

сказать, для успокоения души, своего рода „лебединая песнь“.

Так таял один социальный слой, питавший декабристов, оппозиционное движение здесь отнюдь не умерло совсем, оно только частью рассеялось, частью ушло вглубь, притихло в ожидании лучших времен. Правда, оставался еще промышленный капитал, но и этот кусок твердой почвы уходил из-под ног декабристов; правда, и то, что наиболее передовые представители этого слоя, в роде Сапожникова или Селевановского, теплили „в глубине души“ надежды на серьезные реформы еще только за 24 часа до разгрома выступления на Сенатской площади, но это были скорее одиночки, в лучшем случае небольшие группы.

Правительство после некоторых колебаний решительно вступило на путь протекционизма. Тариф 1823 г., „соображенный“, как говорилось в манифесте, „с успехами собственной промышленности, равно и с учреждениями в других государствах, на сей предмет издаваемыми“, пролил целительный бальзам на исстрадавшуюся душу русского фабриканта. Изобретение, из-за которого, по выражению Маркса, „дрались все европейские государства“, — протекционизм — нашло, наконец, полное признание в России. Политика индустриализации страны встречается как один из основных моментов политики русских самодержцев, начиная с Александра I, в течение всего XIX в.

Александр пошел на таможенный разрыв даже с Пруссией. В письме к прусскому королю, его большому личному приятелю, Фридриху-Вильгельму III,

Александр мотивировал этот шаг тем, что, как-де ни велики его симпатии к старику и сколь узы дружбы ни обязывают к самопожертвованию, но дело идет не о личных, а о национальных интересах и т. д. и т. п. — одним словом, своя рубаха ближе к телу.

В такой обстановке декабристское движение, в его старой форме и с его старой программой, базировалось на слишком хрупком основании; оставалась, правда, колоссальная масса народа, но ее трудно было привлечь к движению лозунгами безземельного освобождения и лишения элементарных политических прав (мы подразумеваем конституцию Н. Муравьева), к тому же, ориентации на массы в то время у декабристов еще не было.

И в русской истории восстание декабристов действительно, пожалуй, не имело бы места, не ворвись в либерально-буржуазное движение Александровской эпохи якобинская струя.

II. Тайные общества декабристов.

„Союз спасения“¹⁾ „Союз спасения“¹⁾ был первой конспиративной организацией Александровского царствования. С него начинается длинная и запутанная история тайных обществ декабристов.

В феврале 1816 г. шесть гвардейских офицеров — А. Н. и Н. Н. Муравьев, кн. С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкин, С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы — положили начало этому тайному обществу. Несколько

¹⁾ Пестель называет его „Обществом истинных и верных сынов отечества“.

позже в него входят Ф. Глинка, кн. Долгорукий, Шаховской и, наконец, известный впоследствии П. И. Пестель.

Первые совещания не привели еще к оформлению организации, и только с января 1817 г. „Союз спасения“ начал свое формальное существование. После многочисленных совещаний о программе и тактике общества была создана комиссия в составе Пестеля, Трубецкого, Шаховского и Долгорукого, на которую и возложили выработку статуты.

В организационном отношении „Союз спасения“ представлял собой типичную заговорщицкую организацию той эпохи. Возглавляла общество так называемая „Главная дума“; далее следовали „бояре“, и, наконец, „мужья“ и „братья“. Прием новых членов был обставлен специфической для масонских лож и карбонарских обществ торжественностью и таинственностью: вступающий должен был произносить страшные клятвы в верности и беспрекословном повиновении. В „Союзе“ устанавливалась сложная и строгая иерархия, сущность которой сводилась к обеспечению неограниченного господства центральных учреждений заговорщиков.

Внешне „Союз спасения“ носил более или менее лойяльный характер. Вновь принимаемым членам говорилось, что целью его является совершенно легальная борьба с незаконными деяниями чиновников (путем предания таких деяний гласности), с жесточайшей палочной дисциплиной в армии и гвардии, с моральным упадком аристократии, с зверством помещиков, переходящих всякие границы в эксплуатации крестьян и т. д.

Рекомендовалось, например, „порицать“ систему управления царского фаворита Аракчеева, военные поселения и, что весьма важно и характерно,— крепостное право. Все это, разумеется, по тем временам, не было абсолютно невинное занятие, но до заговора отсюда еще очень далеко.

Однако нравственное самосовершенствование и легальная борьба с наиболее гнусными, бьющими в глаза, проявлениями самодержавного режима были лишь частью программы, рассчитанной на новичков.

Основное ядро учредителей „Союза спасения“ шло гораздо дальше, ставило перед собой не только задачу ликвидации крепостного права, но и организацию политического переворота. „Настоящая цель первого общества,—свидетельствует Пестель,—была введение монархического конституционного правления; а одно освобождение крестьян от крепости было целью при самом первом начале и весьма короткое время; но вместе с принятием устава об устройстве общества принята и цель конституции, о которой говорилось, однакоже, членам не прежде как во второй степени: а в первой при начальном принятии говорилось только глухо о введении нового порядка“¹⁾.

В другом месте Пестель еще резче подчеркивает, что „тайное общество было революционным с самого начала своего существования и во все продолжение не переставало быть таковым“²⁾. Показания Пестеля

¹⁾ „Восстание декабристов“, т. IV, дело Пестеля, стр. 154.

²⁾ Цитированные здесь показания Пестеля не следует, разумеется, понимать в том смысле, что между первыми тайными организациями будущих декабристов и образовавшимся впоследствии „Юж-

находят подтверждение и у Якушкина, отметившего, что конечная цель „Союза спасения“ „предполагалась быть известной одним только членам высшей степени, равно как и намерения в случае смерти царствующего в то время императора (Александра I—П. П.) не прежде принести присягу наследнику, как по удовлетворении, что в России единовластие будет ограничено представительством“. Последняя часть цитированного показания Якушкина дает основания заключить, что уже в „Союзе спасения“ учитывались возможности, которые позднее вошли, как один из вариантов, в программу действий Северного общества.

В обрисованном выше виде „Союз спасения“ просуществовал недолго.

В середине 1817 г. Пестель уехал в Митаву, Трубецкой тоже покинул Петербург, и Александр Муравьев был избран в председатели. В этот период он вступил в связь с Михаилом Орловым, пользовавшимся славой большого либерала, предлагая ему войти в „Союз“. Орлов отказался, ссылаясь на то, что он уже принадлежит к тайному обществу „Ордена русских рыцарей“¹⁾. Переговоры эти закончились обещанием не „препятствовать один другому“ и „итти к одной цели, оказывая взаимное пособие“.

ным обществом* не было в программно-тактическом отношении глубоких различий. Пестель только подчеркивает, что и ранние тайные общества далеко не были политически невинным предприятием, ну а в этом он абсолютно прав.

¹⁾ „Орден русских рыцарей“—фактически почти не существовавшая тайная организация. Его основатели, кстати сказать, единственные его члены, М. Орлов и гр. Дмитриев-Мамонов, выступали с про-

Тотчас же по выработке статута „Союза спасения“ копия его была отослана в Москву еще ранее прибывшему в нее Якушкину с предложением войти в „бояре“. В это же время А. Муравьев пытается привлечь к обществу М. Бурцева и П. Колошина.

Якушкин, получив устав, „вознегодовал“ против железной дисциплины и централизации, лежащих в его основе. На созванном им совещании было решено не вступать в общество до тех пор, пока оно не откажется от своих организационных принципов, т.-е. в известной мере не демократизируется. В Петербурге, повидимому, колебались.

Тогда, во второй половине 1817 г., Якушкин приезжает в северную столицу и, после долгих прений с кн. Лопухиным, убеждает его объединить московскую группу с петербургской на вышеуказанных условиях. Но вскоре жизнь в петербургском филиале „Союза спасения“ почти совершенно замирает, так как гвардия,—а именно из гвардейского офицерства формировалось общество,—переходит в Москву.

Итак, спустя всего несколько месяцев с момента его основания, в „Союзе спасения“ появляются уже крупные разногласия, правда, первоначально по тактическим, а не программным вопросам. Спорили не о целях, даже не столько о средствах, сколько о сроках. Вождем группы с правой ориентацией был Трубецкой. За ним, в основных вопросах, шли Якушкин,

---

граммой аристократической конституции и воинствующего национализма. Позже М. Орлов вошел в „Союз благоденствия“. После разгрома восстания 14 декабря был наложен арест и на все бумаги тогда уже сумасшедшего гр. Дмитриева-Мамонова.

Шаховской, Бурцев, А. Муравьев, Фон-Визин, Колошин и др. Эта группа упорно защищала „умеренность“. „Медленное действие на мнения“—такова ее позиция во второй половине 1817 г.

Другую, весьма малочисленную, группу возглавлял Пестель, который настаивал на быстрых и решительных действиях, ведущих к цели. Временами к Пестелю склонялись Лунин, Н. Муравьев и Якушкин.

Два течения наметились, в сущности, уже в феврале 1817 г. С. Трубецкой приводит в своих мемуарах следующий весьма любопытный эпизод. „При первом общем заседании для прочтения и утверждения устава, Пестель поселил в нескольких членах,—пишет Трубецкой,—некоторую недоверчивость к себе: в прочитанном им вступлении он сказал, что Франция блаженствовала под управлением комитета общественной безопасности. Восстание против этого было всеобщее, и оно оставило невыгодное для него впечатление, которое никогда не могло истребиться и которое навсегда поселило к нему недоверчивость“¹⁾ у правого крыла заговора.

Этот эпизод в свете других показаний членов „Союза“ наводит на мысль, что уже тогда, в 1817 г., Пестель склонялся к якобинизму.

В связи с переходом гвардии в Москву, к осени названного года, здесь собрались почти все силы тайного общества. „Союз спасения“ не оправдал возлагаемых на него инициаторами надежд и не получил

¹⁾ Записки князя С. П. Трубецкого, СПб, 1907 г., стр. 11—13. Разрядка моя—П. П.

сколько-нибудь широкого распространения. Бесконечные пререкания вокруг устава лишь способствовали распаду и приводили наименее радикальные элементы к мысли о полной ликвидации „Союза“. В таком хаотическом состоянии он просуществовал еще несколько дней и, наконец, „положили,— говорит Трубецкой,— истребить устав и составить что-нибудь удобнеее в исполнении“¹⁾).

„Союз благоденствия“.

Этим „что-нибудь“ и явился „Союз благоденствия“, созданный из элементов только что распавшегося „Союза

спасения“.

Из наиболее активных деятелей этого последнего тогда же была избрана комиссия в составе Н. Муравьева, Трубецкого и М. Муравьева, с поручением разработать устав проектируемого нового общества. Через несколько месяцев устав был готов. Содержание его, в целом ряде моментов, совпадает с программой германского „Тугендбунда“²⁾. Впрочем, следует отметить две „детали“, характерных для русского устава: во-первых, он был заметно радикальнее в вопросах политических и, во-вторых, весьма умерен в разрешении крестьянского вопроса по сравнению с немецким оригиналом.

В то время, как выработывалась программа будущего общества, в Москве, по инициативе А. Муравьева, возникает так называемое Военное общество. За немногие дни своего существования оно разрослось

¹⁾ „Восстание декабристов“, т. I, дело Трубецкого.

²⁾ См. выдержки из этой программы у Т. Шустера — „Тайные общества, союзы и ордена“, СПб, 1905 г., тт. I и II.

до внушительных размеров, впитав в себя, по утверждению Якушкина, „всех порядочных людей из молодежи, бывшей тогда в Москве“.

Возглавляли Военное общество Никита Муравьев и А. Катенин. В их планы, повидимому, входило создание некоей полулегальной организации, наиболее крайние элементы которой втягивались бы затем уже и в самый заговор. Прием, хорошо известный во все времена. С переходом гвардии в Петербург московская группа потеряла свое прежнее значение. Деятельность тайного общества в этот период (1818—1820 гг.) территориально сосредоточивается в Петербурге и на юге, во 2-й армии, где Пестелю удалось сформировать филиал „Союза благоденствия“.

Настоящей целью „Союза благоденствия“ осталась все та же конституционная монархия; внешне же он задрапировался программой широких культурно-просветительных преобразований в рамках существующего социального и политического строя.

Но действительные задачи организации знали лишь избранные, стоявшие на верхах общества и близкие к этим верхам. Большинство же рядовых членов организации принимало аморфную и широковещательную программу, изложенную в „Зеленой книге“¹⁾, за чистую монету, за программу - максимум.

¹⁾ Так назывался устав „Союза благоденствия“ по цвету переплета, в который он был заключен. На следствии некоторые декабристы утверждали, что существовала вторая часть „Зеленой книги“, в которой и были изложены настоящие цели общества. Однако такой документ, если он действительно и существовал, до нас не дошел.

„Зеленая книга“ опубликована А. Н. Пыпиным: см. „Общественное движение при Александре I“, изд. третье, 1900 г.

Это обстоятельство и давало повод многим непосвященным недоумевать, зачем, собственно, общество с такими благими, верноподданническими намерениями облекается тайной. Находились и такие, которые предлагали прямо поднести „Зеленую книгу“ императору и процветать на самых, что ни на есть, законнейших основаниях. Нужно сказать, что даже некоторые главари тогдашнего движения, прекрасно осведомленные о подлинных замыслах общества, были далеки от мысли немедленно приступить к подготовке серьезного антиправительственного заговора. В их представлении момент решительного столкновения с самодержавной властью был где-то далеко впереди; пока же надлежало распространить „Союз благоденствия“ во всех частях необъятной империи и с крайней осторожностью подготавливать русское общество к событиям этого отдаленного будущего. Не даром Н. Муравьев, еще в уставной комиссии, предлагал установить двадцатипятилетний срок для существования „Союза благоденствия“.

Естественно, что с этой точки зрения (а на ней первоначально стояли не только Н. Муравьев, Оболенский, но и многие другие), „медленное действие на мнения“, проще говоря, — осторожная салонная пропаганда — представлялась наилучшей тактикой.

Однако к этой позиции весьма критически отнесся Пестель. Да и сами ее сторонники по мере того, как крепла реакция в России, в некоторой своей части левели. Под напором Пестеля, официальное заседание коренной думы, происходившее в январе 1820 г. в Пе-

тербурге, изменяет политическую программу общества. В качестве конечного политического идеала фигурирует уже не конституционная монархия, а республика¹⁾. Тогда же на одном из частных совещаний Пестель, нащупывая настроения петербуржцев, настойчиво выдвигает идею цареубийства, а в качестве средства ликвидации анархии, возможной в момент переворота, — создание Временного правления из вождей заговора. Эти меры оказались, однако, слишком радикальными для Петербурга, и Пестель нашел поддержку только у одного Н. Муравьева.

Таким образом, к весне 1820 замершая было политическая жизнь в обществе несколько оживилась. Но для петербургской и московской групп, — на данном этапе, — это оказалось лишь мимолетным эпизодом. В течение всей второй половины 1820 г., они фактически влачили жалкое существование.

Восстание в Семеновском полку²⁾ и волна правительственных репрессий, как ответ на это восстание,

---

¹⁾ В этом заседании присутствовали Пестель, М. Муравьев, Н. Тургенев, Ф. Глинка, кн. Долгорукий и др. При персональном голосовании с аргументацией, республика как цель общества была принята единогласно против Ф. Глинки. См. „Восстание декабристов“, т. I, стр. 311.

²⁾ Это выступление солдат императорского гвардейского полка, и само по себе не лишенное политического содержания, объективно сыграло огромную политическую роль как могучий толчок к радикализации известных слоев русского общества. Александр это прекрасно понимал и потому жестоко расправился с бунтовщиками. Семеновский полк, кроме всего прочего, был расформирован. И те самые семеновские солдаты, которые в ночь с 17 на 18 октября 1820 г. стали бунтарями, сыграли потом серьезную роль в восстании Черниговского пехотного полка.

усугубили кризис, переживаемый „Союзом благоденствия“.

Ряд случайных людей, примкнувших к движению на подъеме, когда либеральная фраза была ходкой салонной манерой, пущенной в обращение самим Александром, теперь отходил от него. При этом, неизбежно, среди ренегатов нашлись и прямые предатели ¹⁾. Естественно, что люди иного стиля, с твердо сложившимся мировоззрением и не намеревающиеся отступить, должны были как-то реорганизовать общество. С этой целью в январе 1821 г. был созван съезд в Москве.

Московский
съезд „Союза
благоденствия“.

Инициатива этого предприятия принадлежала И. Д. Якушкину, убедившемуся, что его работа над адресом к Александру I с просьбой созвать Земский Собор, в данных условиях страшной реакции, охватившей страну после упомянутой семеновской истории, — есть величайшая политическая наивность ²⁾. За идею Якушкина ухватились как правые, так и левые крылья „Союза благоденствия“, и съезд состоялся. Петербург был представлен Н. Тургеневым, Москва — братьями Фон-Визинами, Киев — М. Орловым и Охотниковым. От южных организаций прие-

---

¹⁾ Таков, например, М. К. Грибовский — член Коренного совета „Союза благоденствия“, перешедший после волнений в Семеновском полку на службу к правительству в качестве творца военно-политической полиции. Кстати сказать, он же донес властям о предстоящем съезде в Москве.

²⁾ Якушкин, да и не он один в то время, полагал возможным проведение крупных реформ через Земский Собор, который, по его замыслам, должен был созвать сам император.

хал Бурцев¹⁾). Кроме того, присутствовали Якушкин, С. Волконский, Комаров, Ф. Глинка, Граббе и др.

Перед „Союзом благоденствия“ ясно наметились две перспективы: или немедленно приступить к активным действиям, в конечном счете, к форсированной подготовке восстания, или, — если общество для этого бессильно, — насколько возможно отсрочить момент неминуемого столкновения с властью. В этом случае следовало создать мощную, строго законспирированную организацию, избавиться от всех политически и морально шатких элементов, — и готовиться к столкновению.

На движении в первом направлении настаивал Н. Орлов. При открытии съезда он огласил длинную декларацию, на основе которой соглашался войти в тайное общество. Сущность этого, не дошедшего до нас, документа, сводилась к следующему: тайное общество должно еще до открытого выступления сконцентрировать все силы на разрушении авторитета самодержавной власти, подрыве ее финансовой мощи и пр. путем массового выпуска нелегальной литературы, фальшивых ассигнаций и т. п.

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько серьезны были предложения Орлова²⁾, отметим здесь,

¹⁾ Тульчинским „правым“ удалось не допустить Пестеля на московский съезд угрозой, что его отлучка без служебных нужд в Москву может вызвать подозрения у властей и тем способствовать провалу организации.

²⁾ А серьезными, даже субъективно, они, разумеется, не были. Ведь Орлов слишком хорошо знал положение, чтобы не понимать, что такие дела по „дезорганизации“ самодержавного строя были обществу просто не под силу.

что, получив решительный отпор, он воспользовался им и, с „честью“ порвав с заговорщиками, ретировался со съезда.

На следующих совещаниях было признано целесообразным, учитывая политическую обстановку, формально объявить во всех филиалах „Союза благоденствия“ о полной его ликвидации навсегда. Этот тактический прием должен был избавить общество от сомнительных фигур. Затем был выработан новый устав. Написанная Бурцевым первая часть ничем не отличалась от „Зеленой книги“. Во второй части (написанной, по утверждению Якушкина, Тургеневым) была уже четко сформулирована программа конституционно-монархического переворота¹⁾. В связи с этим намечается пропаганда в войсках.

Для начала съезд решает основать четыре главных думы: в Петербурге, Москве, Смоленском крае и в Тульчине.

Значение московского съезда как начала нового этапа в декабристском движении.

Московский съезд 1821 г. знаменует собой новую веху в истории так называемого общественного движения первой четверти XIX ст. Он был той запретной линией, за которую не смели, не рисковали перешагнуть болтающие, моды ради, „либералисты“, как выражался Карамзин. Именно с этого момента тайное общество будущих декабристов становится действительно страшным для самодержавия.

„Союз благоденствия“, как старая, по существу не

¹⁾ Тургенев и ряд других обвиняемых заявили, что документ о котором говорит Якушкин, никогда не был написан.

революционная организация, распался от собственного бессилия; но на его развалинах выросли Южное и Северное общества, призванные сыграть не последнюю роль в истории русского революционного движения.

История формирования Южного общества.

Истоком знаменитого тайного общества, вошедшего в историю декабристов под именем Южного, является левое крыло тульчинской организации „Союза благоденствия“, оформившееся в полунезависимую от центра ячейку в самом конце 1820 г.

Тотчас по возвращении из Петербурга (конец мая 1820 г.), Пестель известил главных членов тульчинской организации о принятии коренной думой республиканской политической программы. Никто из получивших это извещение не возражал против республики, за исключением Бурцева, еще ранее выдвинувшегося в качестве лидера московских правых. Бурцев доказывал, что мечтать о республике в России несерьезно и опасно и что единственной реальной целью общества должна оставаться монархическая конституция.

Эти расхождения знаменуют собой начало групповой борьбы уже внутри самой тульчинской организации. Большинство ее, примкнув к Пестелю, образовало группу „левых“, или „крайних“, как именует ее Якушкин. Объединившиеся же вокруг Бурцева „правые“ всеми силами стремились ослабить влияние Пестеля.

Известие о созыве реорганизационного съезда в Москве заставило насторожиться правых. Указанным уже выше демагогическим приемом им удалось заставить крайне осторожного Пестеля отказаться от при-

сутствия на съезде. Тактика Бурцевской группы состояла в наивозможно большем ослаблении радикального крыла на проектируемом важнейшем совещании. Присутствие же там Пестеля могло „испортить все дело“.

По окончании московского съезда, возвратившиеся на юг, во 2-ю армию, Бурцев и Комаров известили тульчинскую организацию о формальной ликвидации общества, дипломатически умолчав о секретном решении приступить к организации заговора. Это известие было встречено недоумением и решимостью продолжать существование в качестве ячейки „Союза благоденствия“.

В эти дни Пестель созывает совещание тульчинской управы, на котором Бурцев именем московского съезда предлагает ликвидировать филиалы общества во 2-й армии ¹⁾. Вслед за этим Бурцев и Комаров покидают заседание. Выступления Пестеля и Юшневского, в значительной мере, определили дальнейший ход событий. Пестель в короткой, но убедительной речи наголову разбил аргументацию ликвидаторов, доказывая, что съезд не имел никаких прав распускать „Союз благоденствия“. Он закончил призывом к созданию еще более сплоченного узко конспиративного заговора.

Юшневский только разжег страсти, обрисовав в своем выступлении опасность, с которой связано даль-

¹⁾ Якушкин в своих мемуарах говорит о том, что на московском съезде Бурцев взял на себя организацию заговора на юге, при чем там же, в Москве, он заявил, что о настоящих решениях съезда Пестель не должен знать. Однако это было не больше как благовидным предлогом покинуть общество, ибо никакой организации ни на юге, ни где бы то ни было Бурцев не создал.

нейшее пребывание в таком обществе. Это „подстрекнуло“, как сообщает Пестель, „самолюбие слушателей“ настолько, что некий Аврамов патетически заявил: „ежели все члены оставят Союз, то я один буду считать его сохраненным в себе“. В результате пришли к единогласному решению, что „Тульчинская дума признает Союз существующим с прежнею целью и в прежнем значении“¹⁾. „Прежнее же значение, по показаниям Пестеля, было революционный способ действия, а прежняя цель была республиканское правление, принятое обществом в 1820 г.“

Знаменательно, что уже на этом совещании был „одобрен и решительный революционный способ действия с упразднением престола и, в случае крайности, с изведением тех лиц, которые представляют в себе непреодолимые препоны“²⁾.

Все присутствовавшие³⁾ на этом учредительном совещании приняли звание „бояр“ „Союза“, выбрали директорию в составе—Пестеля, Юшневского и Никиты Муравьева⁴⁾, возложив на нее всю полноту власти, вплоть до момента вооруженного выступления.

Весь состав Южного общества разделялся на три категории: „бояре“—имели право приема в заговор, решающий голос в директории при обсуждении принципиальной важности вопросов;

1) „Восстание декабристов“, т. IV, дело Пестеля, стр. 109.

2) Там же, стр. 156.

3) Пестель, Юшневский, кн. Барятинский, Ивашев, Аврамов, Крюковы, Вольф и Басаргин.

4) Избирая Муравьева, предполагали, что он, не признав решений о ликвидации общества, примкнет к Пестелю.

„мужья“—пользовались теми же правами, за исключением голоса в директории; и „братья“—цель и планы заговора им полностью не излагались, правом приема новых членов они не пользовались. Существовал еще институт „друзей“, формально не входящих в общество, которое, однако, имело на них „виды“.

Каждый вновь вступивший должен был знать только принявшего его. Председатели общества, по первоначальному замыслу, должны были образовать так называемую „невидимую директорию“, известную только „боярам“; фактически же они были известны всем. От вступающего в Южное общество требовалась клятва или честное слово в сохранении полной тайны и активном содействии,—обычно довольствовались честным словом. Кинжал, яд и прочие масонские атрибуты устрашения в Южном обществе не существовали. От фиксирования уставов, из осторожности, отказались.

Итак деятельность Пестеля увенчалась успехом. На юге создалось, правда небольшое, но крепкое, не раздираемое внутренними противоречиями, ядро общества, опираясь на которое Пестель мог расширить и укрепить влияние „Союза“ на близкие ему идеологически кадры офицерства.

Крупным успехом Южного общества, на первых порах, было присоединение к нему С. И. Муравьева-Апостола. Это произошло на киевских контрактах 1822 г. Через год в заговор вошел другой сподвижник Пестеля, разделивший с ним и виселицу—Михаил Бестужев-Рюмин.

С 1823 г. и начинается широкая деятельность Южного общества. В этом году оно организационно распа-

дается на три управы: Тульчинскую, в составе которой, кроме вышеназванных, вошли — Фаленберг, два брата Бобрищевы-Пушкины, Черкасов, Загорецкий, Заикин, полковники Филиппов и Леман, майоры Лорер и Мартынов; Каменскую ¹⁾, под председательством В. Давыдова и С. Волконского, в составе: А. Поджио, Янтальцева, Лихарева и др.; наконец, Васильковскую, во главе с С. И. Муравьевым-Апостолом и М. Бестужевым-Рюминым.

Васильковская управа оказалась самой деятельной организацией во всем Южном обществе. Ей принадлежит заслуга присоединения к заговору общества „Соединенных славян“, инициатива связи, поддержания Пестелем, с поляками ²⁾; наконец, здесь же велась серьезная пропаганда в солдатских массах. Неудивительно поэтому, что в васильковскую организацию переходит центр тяжести замышленного переворота. Роль ее в тайных обществах юга была настолько ответственна и велика, что, когда в ноябре 1825 г. заговорщики стояли накануне решительных событий, Пестель поспешил ввести в директорию С. Муравьева-Апостола — для обеспечения координации действий.

Вместе и в теснейшей связи с организационным

---

¹⁾ По названию имени Давыдова В. (Каменка), в котором происходили совещания заговорщиков.

²⁾ Польское общество имеет свою, совершенно самостоятельную и не зависимую от декабристской, историю. Центральной идеей этого общества было отделение Польши от России. „Южане“, в частности Пестель, шли на национальное самоопределение Польши под лозунгами: 1) поляки активно поддерживают революционный переворот в России, 2) в Польше после революции, устанавливается тот же политический порядок, что и в России.

оформлением и успехами Южного общества оформлялась и идеология „южан“. Не сразу, разумеется, пришли они к той программе социальных и экономических преобразований, с которыми мы встречаемся в конституционном проекте Пестеля.

Впервые этот последний выступает с изложением и защитой „Русской правды“¹⁾ на киевском совещании в 1822 г., не встретив серьезных возражений. Но реализация Пестелевского проекта была абсолютно не мыслима без вооруженного низвержения существовавшего порядка вещей и, вместе с тем, предполагаемого физического уничтожения царствовавшего дома²⁾.

На восстание соглашались все, но проект умерщвления всех отпрысков императорской фамилии вызывал возражения и даже категорические протесты. С. И. Муравьев сперва вообще отрицал террор. Бестужев-Рюмин шел на убийство только одного императора. Но в ноябре 1823 г., под влиянием неудач (а в это время васильковцы замыслили поднять восстание, от которого пришлось по ряду причин отказаться), и они по всем центральным вопросам, требуя уничтожения Романовых, заняли позицию Пестеля.

Таким образом к концу 1823 г. было достигнуто единство среди лидеров Южного общества в полном признании „Русской правды“ и революционной, до логического конца, тактики.

¹⁾ Название „Русская правда“ Пестель дал своему проекту в 1824 г.

²⁾ См. по этому вопросу показания А. Поджио, частично опубликованные в сборнике центрархива „Декабристы“, ГИЗ, 1926 г., стр. 199—202.

„Северяне“ и их
борьба с Южным
обществом.

Не умерло после московского съезда движение и в Петербурге. Здесь, вокруг ядра старых деятелей „Союза благоденствия“, выросло новое общество, известное под именем Северного.

Уже с самого начала 1823 г. через С. Волконского, В. Давыдова, Барятинского и Матвея Муравьева-Апостола между „югом“ и „севером“ устанавливается связь. Вскоре Пестель получает из Петербурга проект конституции, начатой Н. Муравьевым еще осенью 1821 г. В сопроводительном письме Муравьев заявлял, что пишет конституцию „в монархическом смысле ради вновь вступающих членов“, но что сам он — по-прежнему убежденный республиканец. В ответ на это в феврале 1823 г. Пестель шлет Н. Муравьеву „предлинное письмо, в котором оспаривает пункты его конституции и предлагает главнейшие черты своей“. В июне он снова пишет Муравьеву, упрекая Северное общество в бездеятельности. Муравьев отвечал: „делам все, что только можно“. Вслед за тем теоретик „северян“ прекращает переписку, при чем, в показаниях следственному комитету от 3 января 1826 г. поясняет это так: „Я перестал писать в Южную думу, с которой я не согласовался в мнениях“.

По соглашению с директорией „южан“, в середине 1823 г. Матвей Муравьев-Апостол переезжает в Петербург для установления прочной связи с Северным обществом и давления на него. Однако за все время своего пребывания в столице „успехов приобрел он очень мало“. Почти безрезультатны были поездки и других агентов Южного общества.

Убедившись, что этими путями он ничего не добьется от „северян“, Пестель в начале 1824 г. сам направляется в Петербург. Цель этого путешествия—во что бы то ни стало добиться хотя бы минимального единства обоих обществ на платформе „Русской правды“ и революционной тактики.

На севере уже заранее знали о приезде Пестеля¹⁾ и деятельно готовились к неприятной встрече. Н. Муравьев настойчиво агитирует в среде влиятельных членов Северного общества за создание сильной оппозиции Пестелю, а в частных беседах не останавливается и перед раскраской Пестеля как человека „опасного и себялюбивого“.

Совещание вождей „северян“ решает „для узнания мыслей и дел Пестеля“ инсценировать мощную организацию в Петербурге (в действительности же, в это время у „северян“ не было сколько-нибудь крупной организации, и серьезной политической силы они не представляли).

Для переговоров с Пестелем были назначены Н. Муравьев, С. Трубецкой и Е. Оболенский.

Первым Пестель посетил Трубецкого. Изложив перед ним принципиальную основу своей конституции, план вооруженного восстания и проект организации Временного верховного правления в случае успеха переворота, Пестель настаивал на немедленном слиянии обществ и создании организационно-политического центра в заговоре.

На Трубецкого все услышанное произвело, повидимому, убийственное впечатление. Однако, чтобы

¹⁾ Пестель сообщил об этом письмом Н. Муравьеву.

расположить к себе Пестеля он „и вида не подал“, что такая программа действий его пугает. Наоборот, Трубецкой притворился слегка сочувствующим радикализму Пестеля, решив про себя, что „он человек вредный и что не должно допускать его усиливаться, а стараться всевозможно его ослабить“¹⁾. От Трубецкого Пестель направился к Рылееву, тогда еще молодому, но уже влиятельному „северянину“. После двухчасовой беседы с главарем „южан“ Рылеев умозаключил: „Пестель — человек опасный для России и для видов общества“ настолько, что с ним необходимо формально объединиться, „дабы не упускать его из виду и знать все его движения“²⁾.

Единственным человеком из всех „северян“, в котором Пестель первоначально нашел поддержку, был Оболенский. Он не только соглашался с Пестелевским планом вооруженного восстания, но „даже полагал возможным принятие предлагаемой им конституции“.

Совершенно иную встречу нашел Пестель у Н. Муравьева. Этот последний упорно возражал против „Русской правды“, против Временного правления и, наконец, против слияния обществ³⁾. Четвертый видный член Северного общества Н. Тургенев соглашался на республику, но категорически отвергал аграрный план Пестеля.

---

1) Разрядка моя — П. П.

2) „Восстание декабристов“, т. I, дело Рылеева, стр. 174. Разрядка моя — П. П.

3) Там же, дело Муравьева, стр. 308 — 309.

Пока Пестель пытался распропагандировать „северян“ в одиночку, Трубецкой и Муравьев подготавливали провал всех его предложений. Под их давлением и Оболенский изменил Пестелю, заняв, таким образом, весьма двусмысленное положение.

Наконец, было собрано решающее совещание на квартире у Оболенского. Видя, что ему не сломить сопротивления „северян“, что разногласия слишком глубоки, Пестель решает добиться хотя бы минимального организационного единства, без чего поднимать восстание в стране было бы безнадежным предприятием. Юг не имел бы заранее обеспеченной поддержки в столице России. Но и в этом Пестель потерпел поражение. „Северяне“ опасались, и с их точки зрения совершенно справедливо, что централизм и железная дисциплина, лежащая в основе организационного плана Пестеля, выдвинет именно его, как крупнейшую политическую голову на юге, единственным диктатором в заговоре, а это, несомненно, дало бы Пестелю в руки крупный козырь во фракционной борьбе.

Против аграрного плана и „двойного избирательства“, фигурирующих в „Русской правде“, петербуржцы восстали единогласно.

После бурных и длительных прений пришли к решению созвать в 1826 г. съезд уполномоченных от обоих обществ, на котором покончить с вопросом об объединении. Тем не менее тогда же условились, что, в случае необходимости открытого выступления ранее 1826 г., общества поддерживают друг друга. По предложению Оболенского и Н. Муравьева, Пестель должен был представить Северной думе „Русскую

правду" и план действий Южного общества в письменном виде.

Потерпев поражение, Пестель пытается, опираясь на фактически уже изменившего ему Е. Оболенского, взорвать Северное общество изнутри и принимает в заговор, независимо от „северян“, четырех кавалергардских офицеров — Анненкова, Поливанова, Вадковского, Свистунова—и артиллериста Кривцова.

Взаимоотношения между Пестелем и Северной думой оставались крайне напряженными: при встрече с членами думы Пестель не оказывал им „никакой доверенности“.

Начинается двойная игра. Оболенский получает от думы директиву сблизиться с Пестелем войти к нему в доверие, убедить его в своем искреннем желании соединить общества, чтобы таким образом всегда иметь вождя „южан“ „на виду“.

Та же двойная дипломатия пронизывает и тактику Трубецкого со дня его приезда в Киев. Сблизившись с С. Муравьевым и Бестужевым-Рюминым, Трубецкой пытается через них подорвать влияние Пестеля и „крайних“ вообще. Соглашаясь, что Пестель лично возможно и не обаятельный человек, названные „южане“ расходились с Трубецким как раз в основном, считая „суждения“ Пестеля безусловно правильными.

Если смотреть объективно, в деяниях Трубецкого на юге в этот период времени нельзя не видеть некоторых шагов, близких к провокации. Так, уезжая в Петербург в конце 1825 г., Трубецкой поручает Бестужеву-Рюмину передать Пестелю, что он приложит все усилия к организации восстания в обеих сто-

лицах. В действительности же Трубецкой замышлял нечто совершенно иное. Это не следует понимать в том смысле, что Трубецкой лично уже тогда струсил и решил выйти из рискованного предприятия. Линия его политического поведения в Киеве была отражением позиции всей руководящей группы „северян“. Дело в другом: уже тогда разногласия между „югом“ и „севером“ зашли так далеко, что фактически Северное общество помышляло не столько о революционном перевороте, сколько о том, чтобы сломить Пестелевское крыло заговорщиков.

III. Идеология декабристов.

„Северяне“ — конституционалисты - монархисты; „южане“ — республиканцы: к этому, и только к этому, пыталось свести большинство представителей буржуазно-идеалистической историографии все разногласия в тайных обществах первой четверти XIX в. А между тем, корни действительных разногласий уходили на неизмеримо большую глубину. Борьба шла не за то или иное разрешение, а за самый способ разрешения социально-экономических задач, выдвинутых объективным ходом истории, в замышляемом перевороте. И родилась эта борьба внутри тайных обществ декабристов задолго до того, как палачи Николая I залили кровью восставших камни на Сенатской площади и снег на полях Украины.

Павел Иванович Пестель и Никита Михайлович Муравьев — вот самые крупные идеологи декабристского движения. Вокруг выдвинутых ими

Два течения в декабристском движении.

программ сгруппировались главные силы заговора.

Они были представителями двух резко враждебных течений в декабризме — полюсами движения.

Не „образ правления“ разделял Южное и Северное общества, а „Русская правда“. Различие между „северянами“ и „южанами“ было не географическим и даже не политическим, а чисто классовым. И естественно, что все коренные вопросы русской жизни ставились в Южном обществе решительно иначе, нежели в самом ходком среди массы „северян“ конституционном проекте Н. Муравьева.

Идеология „северян“. Чтобы вскрыть классовую природу „северян“, определить их роль и историческое значение, достаточно

было бы подвергнуть анализу их позицию в аграрном вопросе, являющемся, как известно, стержнем русского революционного движения на протяжении XIX столетия.

Как решался этот вопрос на правом фланге декабристского движения задолго до того, как появился проект Н. Муравьева, — об этом говорит один из интереснейших документов эпохи — записки Якушкина¹⁾.

Интенсификация земледелия — идея, захватившая в те времена довольно широкие круги передовых помещиков, — прочно засела в голове Якушкина, и вот в 1819 г. он предпринимает попытку „крестьянской реформы“ в пределах собственного поместья. Якушкинские крестьяне не представляли собой исключения. Их положение было типичным для положения кре-

¹⁾ Не лишним будет отметить, что Якушкин — один из самых радикальных правых, с большим достоинством, между прочим, державшийся перед следственным комитетом и самим Николаем I.

постных Смоленской губернии. По миру они не ходили, но и достатка, открывающего радужные перспективы, не имели. На барской, да и на своей, ниве в работе особенной ретивости не проявляли и аргументировали это тем, что „всей работы никогда не переробишь“, с нуждой же все равно не расстанешься.

„Надо было,—пишет Якушкин,—придумать способ возбудить в них деятельность и поставить их в необходимость прилежно трудиться. Способ этот, по тогдашним моим понятиям,—продолжает он,—состоял в том, чтобы прежде всего поставить их в совершенно не зависимое положение от помещика, и я написал прошение мин. внут. дел Козодавлеву, в котором изъявил желание освободить крестьян и изложил условия, на которых желаю освободить их.

Я предоставлял в совершенное и полное владение моим крестьянам их дома, скот, лошадей и все их имущество. Усадьбы и выгоны в том самом виде, как они находились тогда, оставались принадлежностью тех же деревень. За все это я не требовал от крестьян моих никакого возмездия. Остальную же всю землю я оставлял за собой, предполагал половину обрабатывать вольнонаемными людьми, а другую половину сдавать в наем своим крестьянам... Мне хотелось знать, оценят ли мои крестьяне выгоду для себя условий, на которых я предполагал освободить их“.

„Я собрал их,—рассказывает далее Якушкин,—и долго с ними толковал; они слушали меня со вниманием и, наконец, спросили: „Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет?“ Я им отве-

чал, что земля будет принадлежать мне, но что они будут властны ее нанимать у меня. „Ну, так, ба-тюшка,—заявили крестьяне,—оставайся все по-старому; мы ваши, а земля наша“¹⁾).

Классовая сущность Якушкинского проекта настолько очевидна, что он не нуждается в длинных комментариях. М. Н. Покровский был совершенно прав, утверждая, что Якушкину принадлежит несомненная честь предусмотрения новейших форм эксплуатации крестьянства слишком за поколение вперед: крепостного мужика предполагалось разложить на вольного батрака, в одну сторону, и подневольного арендатора помещичьей земли — в другую.

Но, может-быть, правое крыло декабристов, учтя провал „освобожденческих“ попыток Якушкина и усиливавшуюся реакцию в стране, пошло на крупные уступки крестьянству, в интересах привлечения этого многомиллионного класса к перевороту?

Обратимся к программе Северного общества — к конституции Н. Муравьева²⁾. Вот как разрешается здесь аграрный вопрос:

„Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся к земле русской, становится свободным“.

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина, изд. третье, СПб, 1905 г. Козодавлев, отметив, что в добросовестности намерений Якушкина он ни мало не сомневается, в разрешении реализовать проект все же отказал. См. материалы по поводу этого эпизода в „Красном Архиве“, т. XIII

²⁾ Этот документ дошел до нас в двух редакциях. Кроме того Муравьев дал сжатое его изложение, уже после ареста, следственному комитету. Существенных различий между всеми тремя вариантами нет. Здесь в основном дается вторая редакция.

„Право собственности, заключающее в себе одни вещи, священо и неприкосновенно“.

„Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащими“¹⁾).

„Поселяне, живущие в арендных имениях, равно делаются вольными, но земли остаются за теми, кому они были даны, и по то время, по которое были даны“.

„Крестьяне экономические и удельные будут называться общими владельцами, равно как и ныне называющиеся вольными хлебопашцами, поелику земля, на которой они живут, представляется им в общественное владение и признается их собственностью“.

Однако „последующие законы определяют, каким образом сии земли поступят из общественного в частное владение каждого из поселян“.

В цитированном отрывке, кроме благополучно перекочевавшего из проекта Якушкина в конституцию Муравьева безземельного освобождения, обращает на себя внимание еще один характерный пункт. Речь идет о четко выраженной Муравьевым тенденции к ликвидации общины и созданию частного землевладения.

Историки буржуазного и мелкобуржуазного лагеря, сясь доказать, что в программе „северян“ нет и тени

---

¹⁾ В первом варианте получившие „свободу“ крепостные на неопределенный срок лишались права покидать помещика, чтобы не лишиться его необходимой рабочей силы. На случай же отхода Муравьев проектировал денежную компенсацию помещику за счет покидавших его крестьян.

защиты классовых интересов помещика, указывают обычно на эволюцию Муравьева в прогрессивном направлении. С этой точки зрения, не прерви разгром восстания эволюции „северян“, так они, пожалуй, и Пестеля оставили бы далеко направо от себя.

Действительно, некоторой эволюции в воззрениях Муравьева отрицать нельзя. В последнем варианте своей конституции он дарует, и притом безвозмездно, по две десятины земли на крестьянский двор. Но было бы ошибкой относить этот „прогресс“ на счет заботливости „северян“ о мужицких интересах. Тут скорее действовали соображения менее возвышенного порядка. С одной стороны, нельзя упускать из виду, что острая фракционная борьба с „южанами“ вынуждала Муравьева пойти на некоторые уступки в аграрном вопросе, с другой — безземельное освобождение грозило такой волной крестьянских восстаний, которая затмила бы и пугачовщину. Не даром Якушкин, натолкнувшись на упорное нежелание своих крестьян „освобождаться“ без земли, с сокрушением замечает: „Русский крестьянин не допускает возможности, чтоб у него не было хоть клокка земли, которую он пахал бы, для себя собственно“.

Если Якушкин предвосхитил общие контуры реформы 1861 г., то Муравьев предугадал и знаменитых „дарственников“ с четвертным наделом!

Итак, максимальный „прогресс“ в области экономической выразился в исключительно жалком размахе — от безземельного личного освобождения по редакции 1821 г. до дарования нищенского надела по третьему и последнему варианту 1826 г. И, если

даже считать, что в Северном обществе самым ходким был последний, относящийся к 1825 г., проект Якушкина, по которому крепостные освобождались со скромным наделом за выкуп (веками принадлежавшей им же земли), то и тогда это всего лишь дворянский проект, осуществленный с незначительными коррективами в 1861 г.

Рассмотрим теперь общеполитическую программу „северян“. Самодержавие по проекту Муравьева — уничтожается. Политической формой русского государства становится конституционная монархия, ибо „источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя“¹⁾. Старое сословное деление на мещан, дворян, именитых граждан и пр. — отменяется. Все русские, отвечающие определенным условиям, становятся гражданами; устанавливается с теми или иными ограничениями свобода промысла, свобода совести, и, наконец, свобода печати.

В политическом отношении вся Россия делится на 13 держав, 2 области и 568 уездов. Законодательная власть в каждой державе принадлежит палате народных представителей, избираемых на два года. Во главе уезда стоит избираемый на один год тысяцкий. Центральная законодательная власть сосредоточена в руках Народного веча, состоящего из Верховной думы и народных представителей. Таким образом Народное вече, собираемое ежегодно, есть некое подобие парламента с двухпалатной системой.

¹⁾ Ниже мы увидим, что „народ“, в понимании Муравьева, это, в сущности, дворянство и торгово-промышленный класс.

Во главе исполнительной власти стоит наследственный император. Ему подчинен, непосредственно, весь правительственный аппарат. Однако император во всех вопросах принципиальной важности, решающих судьбы страны, не имеет права самостоятельного решения. На содержание своей особы он получает 102.000 фунтов (2.000.000 руб.) чистого серебра в год.

Такова в общих чертах картина политического строя России по проекту Н. Муравьева.

На первый взгляд, по своему демократизму, она производит впечатление прямой противоположности старому порядку. Дело меняется, если посмотреть, какое содержание вкладывается в понятие „народ“, о котором, в стиле Руссо, говорится, как об „источнике верховной власти“.

Прежде всего далеко не все совершеннолетние жители России, мужского пола, не говоря уже о женщинах, являются гражданами. За пределами этого звания и связанных с ним прав остаются все, „находящиеся в услужении при ком-либо“, а также все, не имеющие постоянного места жительства.

Во-вторых, устанавливается активное и пассивное гражданство. Но и активные граждане Муравьева обладают отнюдь не равными правами.

По первому варианту Муравьевской конституции все граждане распределены на четыре группы по своему имущественному состоянию.

	Недвижимое имущество			Движимое имущество		
I. . .	30.000	руб. сер.	или	60.000	руб. сер.	
II. . .	15.000	" "	"	30.000	" "	
III. . .	2.000	" "	"	4.000	" "	
IV. . .	500	" "	"	1.000	" "	

Граждане первой категории могут быть избраны во все законодательные органы империи, вплоть до Верховной думы, и в исполнительные, вплоть до правителей держав.

Пределом для второй является рядовое членство в Державной думе.

Права третьей категории не простирались далее возможности войти в законодательное собрание держав, и, наконец, четвертая группа может только избирать в высшие инстанции.

Характерно, что дифференциация идет не просто по имущественному, а именно по сословно-имущественному признаку. Помещичьи интересы в проекте старательно ограждены этим удвоением цензовой ставки для лиц, не владеющих недвижимой собственностью.

Так, чтобы подняться до самых вершин власти, помещику, как землевладельцу, достаточно было владеть половиной тех ценностей, которыми в полной мере должен был располагать капиталист для достижения тех же целей.

Другой специфической чертой программы „северян“ является увеличение ценза для носителей исполнительной власти. Сосредоточить всю силу исполнительной власти, т.-е. весь аппарат принуждения, в руках тех классов, которые были бы кровно заинтересованы в сохранении собственности и „порядка“—такова была цель Муравьева.

Во втором варианте проекта Муравьев несколько демократизировал свою систему—классовый эгоизм проекта настолько бил в глаза, что даже „северяне“

не удержались от критики,—оставив, однако, для членов Верховной думы прежний ценз.

Таким образом „прогресс“ в области политической был еще умереннее, нежели в экономической.

Огромный имущественный ценз отрезал все пути крестьянству и мелкой буржуазии городов к достижению не только вершин законодательной и исполнительной власти, но и таких административных постов, как должность тысяцкого. Половина взрослого населения страны, масса почти в 13.000.000 человек, фактически лишалась политических прав.

Буржуазно-помещичья диктатура в форме конституционной монархии—вот, что, в сущности, представляет собой политический идеал Никиты Муравьева.

Если в лице крупнейшего теоретика Северного общества мы имеем более или менее законченного буржуазно - помещичьего идеолога, то программа „южан“—„Русская правда“—исторический документ, неопровержимо свидетельствующий о наличии в декабристском движении другой струи, с принципиально иным классовым содержанием, которая ближе всего может быть охарактеризована как мелкобуржуазная.

Идеология
„южан“.

„Русская правда“—незаконченный конституционный проект.

О ее авторе мы, действительно, имеем все основания сказать, что он развивался справа налево.

Преждевременное вооруженное выступление, вынужденное обстановкой, и его разгром прервали это развитие на самом интересном этапе, и тем не менее „Русская правда“, даже в том виде, в каком сохранила

ее нам история, ярко свидетельствует о том, насколько далеко ушли „южане“ влево от своих северных „друзей“ по заговору.

Не конституционная монархия, как у „северян“, а демократическая республика — таков политический идеал „южан“. И притом республика строго централизованная. В национальном вопросе Пестель стоял на руссификаторской точке зрения, объявляя всякую мысль о федерации — величайшим политическим преступлением. Исключением из общего правила, по проекту Пестеля, является — из всех территорий, входивших в состав Российской империи его времени, — только одна Польша. За Польшей Пестель признавал национальное самоопределение, при том, однако, непременно условии, что в этой стране должен быть установлен тот же „образ правления“, что и в России, т.-е. демократическая республика.

Старый социально-политический строй, увенчанный самодержавием, в „Русской правде“ обрекается на смерть. На развалинах старого порядка, созданного многовековым развитием и более чем двухсотлетним господством крепостничества, должна родиться новая Россия. Критике феодализма и крепостничества посвящены самые блестящие страницы „Русской правды“.

Сословное деление и связанное с ним юридическое неравенство подлежит полному и безоговорочному уничтожению. Равенство перед законом возводится в основной принцип: „...Гражданские общества, а следовательно и государства, составлены для возможно большего благоденствия всех и каждого,— говорит Пестель,— а не для блага некоторых за устранением

большинства людей. Все люди в государстве имеют одинаковое право на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тягости, не делимые с государственным устройством. Из сего явствует, что все люди в государстве должны непременно быть перед законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство всех перед законом, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным. ...А из всего вышесказанного следует, что учреждение сословий непременно должно быть уничтожено, что все люди в государстве должны составлять только одно сословие, могущее называться гражданским, и что все граждане в государстве должны иметь одни и те же права и быть перед законом все равны¹⁾.

Пестель был, по крайней мере в теории, последовательным демократом и потому логически должен был прийти к мысли о республике²⁾.

Сжато, и притом весьма своеобразно, изложив процесс ликвидации демократии, обрисовав, как „аристократия и вообще феодальная система много веков свирепствовала над несчастною Европою“, он заканчивает § 13 „Русской правды“ так: „Неудивительно посему, что все народы с таким пламенным желанием стремятся к установлению представительного порядка и к избавлению себя от нестерпимого ига аристократов и богатых. Действие народов, в сем случае, есть

¹⁾ Цитирую по тексту, опубликованному в сборнике Централархива „Декабристы“, Гиз, 1926 г., стр. 151—152.

²⁾ Пестель, как законченный якобинец, отрицал федерализм и был сторонником строго централизованной республики.

действие оборонительное, ибо они не налагают ига на аристократов и богатых, но только себя от их ига избавить хотят. Таким образом решено, что представительный порядок непременно существовать должен и что народные представители, образуя особое правительствующее место, в состав верховной власти входить должны“¹⁾).

Мы привели это рассуждение Пестеля как крайне характерное для него. Пестель был не только принципиальным и непримиримым противником землевладельческой, феодальной аристократии; тенденция враждебного отношения к крупной собственности в любой ее форме пронизывает всю „Русскую правду“²⁾).

Революция должна „даже тень аристократического порядка, хоть феодального, хоть на богатстве основанного, совершенно устранить и навсегда удалить, дабы граждане ничем не были

---

1) „Декабристы“, стр. 175.

2) „Отличительная черта нынешнего столетия, — пишет Пестель в „Русской правде“, — ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальной аристократией, во время коей начинает возникать аристократия богатств, гораздо вреднейшая аристократии феодальной, ибо сия последняя общим мнением всегда потрясена быть может и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит, между тем как аристократия богатств, владея богатствами, находит в них орудия для своих видов, противу коих общее мнение совершенно бессильно и посредством коих она приводит весь народ, как уже сказано, в совершенную от себя зависимость. А потому обязано всякое благомыслящее правительство не только такого распределения народа не допускать, но даже и все меры принимать, дабы таковые сословия отдельным от массы народной составлением сами собою бы не устанавливались и не образовывались; а тем более обязано их уничтожать, ежели они где-либо существуют“.

стесняемы в своих выборах и не были принуждаемы взирать ни на сословие ни на имущество, а единственно на одни способности и достоинства и руководствоваться одним только доверием своим к избираемым ими гражданам¹⁾.

Не английская или французская конституции и не Флорентинская республика времен Медичи привлекали внимание Пестеля, но об этом ниже.

Демократический республиканизм „южан“ приобретает особый интерес и крупное историческое значение только в свете их решения вопроса о крепостном праве и земле.

„Рабство,—гласит „Русская правда“,—должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми. Нельзя ожидать, чтобы нашелся один злосовестный дворянин, чтобы не содействовать всеми силами уничтожению рабства и крепостного состояния в России“. Пестель слишком хорошо знал русские отношения, и поэтому, сказав комплимент по адресу дворянства, среди которого рождались Салтычихи, немедленно добавляет: „...но ежели бы, паче всякого чаяния, нашелся изверг, который бы словом или делом вздумал сему действию противиться или оное осуждать, то Временное верховное правление обязывается всякого такого злодея безызытно немедленно взять под стражу и подвергнуть ето стражайшему наказанию, яко врага отечества и изменника противу первоначального коренного права гражданского“²⁾.

¹⁾ Прим. к предыдущ. стр. сборника „Декабристы“, стр. 176.

²⁾ „Декабристы“, стр. 153.

Вместе с крепостным правом рушатся и все прочие привилегии дворянства в области налоговой, судебной, воинской повинности и, наконец, титулов и гербов, вызывающих такую спесь у аристократии.

По поводу последних Пестель, не без иронии, замечает, что, если Временное правление найдет это возможным, они могут быть оставлены, с тем, однако, что ими вправе пользоваться все граждане. Таким образом, каждый российский мужик мог водрузить на фронтоне своего дома любой герб и менять его хотя каждый день.

„Довольно долго существовала возможность для некоторых угнетать всех прочих,— заканчивает главу о дворянстве Пестель,— пора теперь положить решительный конец сему гнусному и неистовому распорядку вещей“. Дворянство само должно активно участвовать в его ликвидации; ну, а если среди него найдутся „недостойные сыны отечества“, так Пестель еще раз напоминает, что в этом случае будут „приняты меры решительные, дабы в полной мере укротить свирепый их нрав и поставить в невозможность отечеству вредить, хотя к тому и нужными были действия скорой и неуклонной строгости“¹⁾, т. е., попросту, террор.

На каких же основаниях освобождались крепостные? В самой „Русской правде“ этот вопрос не получил ясного разрешения. „Освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян дохода, ими от поместий своих получаемого“, „освобождение сие должно крестьянам доставить лучшее положение про-

¹⁾ „Декабристы“, стр. 157.

тиву теперешнего, а не мнимую свободу им даровать“¹⁾ — вот главные положения, выдвинутые Пестелем. Они настолько не ясны и абстрактны, что, взятые изолированно, могут быть легко интерпретированы в том смысле, что и Пестель в этом вопросе всех вопросов склонялся к обдиранию крестьян по муравьевско-якушкинскому способу. Но это не так. Во-первых, вопрос о земле, это именно та область, в которой разгорелись ожесточенные споры среди заговорщиков и в которой Пестель все быстрее уходил налево от „северян“. Во-вторых, в той же „Русской правде“ Пестель выдвигает свой аграрный план, ставя его в центре всего проекта, а этот план стоит в непримиримом противоречии с вышеприведенными пунктами. Наконец, в-третьих, мы располагаем одним, повидимому, более поздним документом, принадлежащим перу Пестеля, который полностью опрокидывает гипотезу о нем как о защитнике дворянских интересов.

Не мог же, в самом деле, дворянский идеолог проектировать насильственную и при том безвозмездную конфискацию земель, а именно эти вещи фигурируют в известном черновом наброске Пестеля — „Разделение земель“. В этом документе, повторяем, проектируется, ни мало ни много, как безвозмездное отчуждение половины земель у владельцев крупных латифундий в десять, и в более чем десять, тысяч десятин земли.

В чем же состоял Пестелевский аграрный план? — В своеобразной национализации половины земель империи.

---

¹⁾ „Декабристы“, стр. 165. Разрядка моя — П. П.

В своем построении Пестель исходит из чрезвычайно распространенной в XVIII и начале XIX века теории естественного права. Существует, — говорит он, — два воззрения: 1) „...земля есть общая собственность всего рода человеческого, а не частных лиц, и посему не может она быть разделенною между несколькими только людьми за исключением прочих. Коль скоро существует хоть один человек, который никаким обладанием землею не пользуется, то воля всевышнего и законы природы совершенно нарушены, и права естественные и природные человека устранены насилем и злоупотреблением“, и 2) земля должна находиться в частной собственности, иначе земледелию грозит застой. Пестель находит в обеих этих точках зрения зерна истины, но, доведенные до своего логического конца, они, по его мнению, неприемлемы.

На оформление мысли Пестеля в первом направлении могли влиять, и, несомненно, влияли, Руссо, Сисмонди, де-Курнан, Голь и другие. Апологию частной собственности он находил у экономистов и философов буржуазии, например, у Бентама, Гельвеция и Гольбаха, творения которых недурно представлены были в Пестелевской библиотеке.

Было бы историческим идеализмом чистейшей воды пытаться объяснять Пестелевский мелкобуржуазный революционаризм только, или хотя бы преимущественно, влияниями западно-европейской мысли и современной ему западно-европейской действительности.

Не следует впадать в ошибку, которой часто грешили, и не без оснований, такие историки декабризма, как А. Н. Пыпин: не следует полагать,

что Пестель некритически воспринимал опыт западно-европейской истории.

Пестель не был идеологом чистой воды, хотя налет утопизма на нем несомненен. В своих построениях он исходил из конкретно-исторической обстановки — отсюда и его аграрный план, представляющий собой компромисс между вышеприведенными принципами.

По этому плану все земли империи делятся на две равные части. Одна из них поступает в ведение волостных обществ¹⁾, в качестве земли общественной, которая „будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять: она ни продана ни заложена быть не может. Она будет предназначена для доставления необходимого всем гражданам без изъятия и будет подлежать обладанию всех и каждого“²⁾.

Другая половина поступает — на праве ничем не ограниченной собственности — в распоряжение казны и частных лиц.

Вся общественная земля, по волостным обществам, делится на участки в размерах, обеспечивающих прожиточный минимум тягла³⁾. Каждый гражданин России может получить, в соответствующей волости, желаемое число участков, но не в частную собственность, а лишь во временное пользование, сроком на один год. Аренда за общественные участки не взимается.

---

1) Основная политическая единица Пестелевской республики.

2) „Декабристы“, стр. 169.

3) Под „тяглом“ Пестель понимает семью в составе: муж, жена и трое детей.

Любопытно, что право на общественные участки сохраняется и за лицами, владеющими землей на правах частной собственности, однако один принцип Пестель выдерживает до конца: раньше всего удовлетворяются требования „тех, кто беднее“.

Всем этим Пестель отнюдь не думает приковать население к земле. Граждане имеют неограниченную свободу передвижения по всей стране и полную свободу промысла. Цеховая организация ремесла, купеческие гильдии, привилегии монополистов — все это обрекается на слом. Свой план, как нам кажется, глава „южан“ выдвигает в качестве плотины, долженствующей противостоять потоку нищеты и пауперизации широчайших народных масс. Читатель помнит, в каких категорических выражениях предписывается Временному верховному правлению задерживать классовую дифференциацию, социальные результаты которой Пестель, повидимому, довольно ярко представлял себе.

В частях „Русской правды“, посвященных этим вопросам, он поднимается до — пусть мелкобуржуазного, но подлинного апофеоза труда и талантливой, мелкобуржуазной же, критики социально-экономического строя всей современной ему Европы.

Каждый россиянин — говорит Пестель, — „где бы он ни странствовал, где бы счастья ни искал, но всегда в виду иметь будет, что ежели успехи стараниям изменят, то в волости своей, в сем политическом своем семействе, всегда пристанище и хлеб насущный найти может“ и „не от милосердия ближних и не оставаясь в их зависимости, но от трудов, кои приложит для обрабатывания земли, ему самому принадлежащей, яко

члену волостного общества наравне с прочими гражданами“¹⁾. „Вся Россия будет, следовательно, состоять из одних обладателей земли,— продолжает Пестель,— и не будет у нее ни одного гражданина, который бы не был обладателем земли“²⁾.

„Какую осанку должно“ новое положение вещей „российскому народу приобщить“, „возвысить дух народный и вселить в граждан ту благородную самостоятельность, которая признана быть должна сильнейшею подпорою государства?“ „Что же,— восклицает Пестель,— более всего к преступлениям людей склоняет, как не нищета и совершенный недостаток?“³⁾.

Аграрный план вождя „южан“ дал повод некоторым противникам материалистического понимания истории относить его к социалистам. Среди исследователей русской общественной мысли, в новейшее время, такой взгляд на Пестеля отстаивали В. И. Семевский, Пажитнов, Мякотин и др. К этой же точке зрения в свое время примыкали Герцен и некоторые народо-вольцы восьмидесятых годов, например, П. Ф. Якубович.

В литературу впервые легенду о Пестеле-социалисте ввел его заклятый враг по заговору, ренегат и отъявленный предатель декабристского движения вообще — Николай Тургенев⁴⁾.

Пестель прекрасно понимал, что проектируемый им аграрный переворот не может не вызвать бешеного

---

1) „Декабристы“, стр. 171.

2) Там же, стр. 173.

3) Там же, стр. 171—173.

4) См. Н. Тургенев — „Россия и русские“, М., 1915 г., т. I.

сопротивления дворянства вообще, земельной аристократии в особенности, и, наконец, привилегированных верхушек русской буржуазии в частности. Он не был ни на иоту утопистом типа Фурье, Оуэна или Сен-Симона в том смысле — и в данном случае только в том смысле, — что не на филантропию, а на вооруженную силу рассчитывал этот человек.

Ему, блестяще образованному аристократу, было очень хорошо известно, как в эпоху Великой французской революции политические деятели, выдвигавшие нечто аналогичное его аграрному плану, несли головы на эшафот, и не этого страшился Пестель. Всю силу своего недюжинного ума он сосредоточил на проблеме гражданской войны, избежать которую — было его целью.

Было бы, однако, глубокой ошибкой объяснять все внутренние противоречия его „Русской правды“ только практическими соображениями о гигантских препятствиях к ее осуществлению в России. Пестель сам глубоко верил в божественную силу, чудотворную силу, частной собственности, сам возводил ее в основной принцип, на котором должна зиждиться его будущая республика. Мелкобуржуазный идеолог, он отразил в своем проекте двойственную природу этих классов.

Критика, весьма меткая и талантливая, системы эксплуатации, возникшей на базе частной собственности, соединяется у Пестеля, при ненависти к „аристократии богатств“, с апологией мелкой собственности — основой нравственности и гражданского бытия. Но, как Пестель ни боялся „язвы пролетариата“, а в ту

эпоху пролетариат еще не показал себя классом, которому принадлежит великое будущее, он все же шел по пути уступок капиталистическому развитию России.

В самом деле, как помнит читатель, вторая половина земель империи не подлежит национализации. Здесь-то, оставляя пока в стороне индустрию, и берут реванш уже чисто буржуазные отношения, на почве капиталистического способа производства.

Пестель сам неоднократно подчеркивает, что „сие постановление (о разделении земель) ни в чем не препятствует стремлению к изобилию и улучшению земледелия, ибо земли, для последней сей цели предоставленные, составляют половину всех земель вообще и в полной мере для того достаточны. Оно не только не препятствует, но даже, напротив того, еще более к тому способствует, вселяя во всех уверенность, что в необходимом никто никогда нуждаться не будет: от необходимого исходят и начинаются все занятия к достижению изобилия“¹⁾.

Он в весьма радужных красках рисует картину будущего. Рост населения поставит в невозможность отдачу многих участков в одни руки, что создаст импульс к приобретению земель в частную собственность. „От того вздорожают земли, а возвышение цены оных послужит поощрением к направлению капиталов на устройство мануфактур, фабрик, заводов и всякого рода изделий, на предприятие разных коммерческих оборотов и торговых действий“²⁾.

¹⁾ „Декабристы“, стр. 171.

²⁾ Там же стр. 172. Разрядка моя—П. П.

„Южане“, правда, не решили чрезвычайно существенной проблемы — откуда же придет рабочий, если все россияне будут посажены на земельный надел в волостных обществах, и притом посажены с расчетом на сносное материальное существование. Какая сила бросит сотни тысяч и даже миллионы людей в объятия капитала?

Итак, если мы мысленно построим модель общества по проекту Пестеля, со всеми вытекающими из него социальными отношениями, то и микроанализ не обнаружит в таком обществе социализма. Да и не как мнимые „социалисты“ — хотя генетическая связь Пестеля с русским „аграрным социализмом“, по нашему мнению, несомненна — „южане“ имеют серьезное значение в истории развития русской революционной идеологии. В Пестеле характерно именно то, что, при несомненном налете утопизма, при всей мелкобуржуазности его мирозерцания, он улавливал объективный ход экономического развития России и занял позицию, исторически отнюдь не реакционную. Именно поэтому „Русская правда“ могла стать серьезной программой действительно серьезного революционного заговора.

* * *

Не царубийственные замыслы и не республика вообще стояли на пути к прочному и действительному единству заговора. Аграрный план и демократическая республика явились камнем преткновения для петербуржцев. Принять эти условия означало вступить на путь мелкобуржуазной, кровно связанной

с интересами крестьян и мещанства, демократической революции. Северное же общество, во всяком случае его центральное руководящее ядро, идеологически было буржуазно-помещичьим, и эта классовая природа „северян“ определила их тактику в ходе восстания 14 декабря 1825 г.

Заканчивая общую характеристику мировоззрения декабристов, необходимо остановиться и на обществе „Соединенных славян“, к изучению которых приступлено только в самые последние годы ¹⁾).

Общество
„Соединенных
славян“ и его
социальный со-
став, программа
и тактика.

Возникло общество „Соединенных славян“ в 1823 г. по инициативе, до толе безвестных, армейских офицеров братьев Петра и Андрея Ивановичей Борисовых и бедного польского шляхтича Юлиана Люблинского.

За сравнительно короткий период „Славяне“ выросли в довольно серьезную, по тем временам, организацию, насчитывающую в своих рядах до 35 армейских офицеров и мелких военных чиновников. Осенью 1825 г. они объединились с Южным обществом.

Эта организация заметно выделяется на фоне тайных обществ Александровской эпохи по целому ряду причин; начнем, хотя бы, с социального состава этого общества. Ни титулованных потомков рюриковичей,

---

¹⁾ О „Соединенных славянах“ и до сих пор имеется сравнительно небольшая литература. Как источник для изучения их идеологии до наших дней наибольший интерес представляют, конечно, Записки Горбачевского. Укажем еще на V и VI т.т. „Восстания декабристов“ и монографию М. В. Нечкиной — „Общество Соединенных славян“.

ни представителей просто крупного дворянского или купеческого землевладения мы здесь не встречаем. Более того, принадлежа формально к господствующему классу, подавляющее большинство членов этой организации фактически были уже выброшены из рядов эксплуатирующих.

В опубликованных Центрархивом материалах¹⁾ есть весьма любопытные сведения о имущественном положении „славян“. Возьмем наиболее ярких представителей этого движения: Борисовых, Горбачевского, Люблинского, Сухинова, Кузьмина, Бечаснова или Мозгана и Андреевича 2-го. Вся эта группа, цвет славянского общества, — почти пауперы. Их ближайшие родственники, да и сами они, стоят на предпоследних ступенях социальной лестницы. Несколько ступеней ниже, и они уже сливались бы с массами крестьян и городского мещанства.

Той пропасти, которую невольно чувствовал солдат между собой и, например, блестящим генерал-майором князем С. Г. Волконским, не было между рядовым армейцем и „славянами“. Никто из последних не поднялся выше поручичьего чина, да и то в армии — для императорской гвардии эти нетитулованные, полунищие дворяне были бы „позором“. Вот, что, например, гласят сведения, данные Слободско-украинским гражданским губернатором, о Борисовых: „Отец их, отставной восьмого класса, Иван Борисов, имеющий от роду 68 лет, живет с женою своею и с детьми, двумя дочерьми и одним сыном, Слободско-украинской губ., Ахтырского уезда в слободе Боромле. Име-

¹⁾ См. „Красный Архив“, т. XV, стр. 164—213.

ния у него нет никакого: находится в самом бедном положении и поддерживает себя одним получаемым из казны пенсионом, из 200 рублей в год состоящим". И всюду та же стереотипная фраза губернаторского бланка: „Отец их отставной восьмого класса..." или: „Мать его вдова восьмого класса...". Старуха, мать Бечаснова, не имея за душой ни гроша, приживальствует у кременчугских „благородных особ". Мать Иванова—чиновника десятого класса—живет черной работой. Киреев был среди них настоящим лендлордом: за его отцом, отставным прапорщиком, проживающим в Тульском уезде, состояла 61 „душа" крестьян и 8 человек детей в дополнение. Борисовы, Ивановы, Сухиновы, Кузьмины не стеснялись водить тесную дружбу с фельдфебелями, фейерверкерами и городским мещанством, отчего в ужас бы пришел С. Волконский или В. Давыдов. Да так и было: даже Пестель и С. Муравьев-Апостол косо смотрели на эти знакомства „славян".

Поставьте теперь рядом с этими разночинцами в армейских мундирах блестящее аристократическое Южное общество или „северян". „Гвардии полковник князь Трубецкой" и Борисов 2-й—какая глубокая пропасть разделяла этих людей.

Разумеется, что нельзя все мировоззрение „славян" свести непосредственно к их социальному положению.

Не помешало же Пестелю, сыну сибирского генерал-губернатора, аристократу по происхождению, воспитанию и связям, стать выразителем интересов нижнего этажа третьего сословия—его положение,

как происхождение Энгельса не помешало ему стать одним из основоположников научного социализма. И все же, мы склонны думать, что социальное положение „славян“ сыграло не последнюю роль в качестве одного из источников их мировоззрения.

История классовой дифференциации и социальных отношений внутри русского общества в первой четверти прошлого столетия изучена, к сожалению, еще далеко не полно.

Несомненно, тем не менее, одно: именно тогда начался процесс образования того социального слоя „разночинцев“, с именем которых связаны десятилетия революционного движения в нашей стране. В семидесятых годах эта среда породила Нечаева и нечаевцев; полустолетием раньше она же выдвигает фигуры таких стойких революционеров, как И. Сухинов.

„Славяне“ мечтали о великой республиканской федерации всех славянских племен—меж четырех морей. Это и давало внешний повод Герцену, или, например, Пыпину, относить их к предшественникам „наиболее симпатичных“ течений позднейшего славянофильства, хотя, в действительности, с последним „славяне“ имели мало чего общего. Между Хомяковым и Самариным с одной стороны, Сухиновым, Борисовым, Горбачевским с другой — лежит дистанция, поистине, огромного размера.

Не только в федералистических идеалах, и даже не столько в них, лежит историческое значение и сущность „Соединенных славян“, а в том, что они были подлинно революционной демократией. И при-

том, такой революционной демократией, которая ближе всех других декабристских групп соприкасалась с гущей народных низов.

И с этой точки зрения характерно понимание „славянами“ революции. У Пестеля, не говоря уже о „северянах“, революция — быстрый государственный переворот, опирающийся на армию и гвардию.

Славяне не мыслили себе революционного переворота без вовлечения в него многомиллионных крестьянских масс: „Хотя военные революции, — пишет Горбачевский, — быстро достигают цели, но следствия оных опасны: они бывают не колыбелью а гробом свободы, именем которой совершаются“¹⁾.

Расходились „славяне“ с Южным обществом и по вопросу о пропаганде. Тогда как Пестель и С. Муравьев считали вполне достаточным возбудить только „дух недовольствия“ в войсках, „славяне“ настаивали на том, что „от солдат ничего не надобно скрывать, но стараться с надлежащей осторожностью объяснить им все выгоды переворота и ввести их постепенно, так сказать, во все тайны общества, разумеется, не открывая им сего, заставить их о сем думать и дойти до того, чтоб они сражались не в минуту энтузиазма, но постоянно за свои мысли, отыскиваемые ими права“.

Да и вся пропаганда, если не брать С. Муравьева, отчасти М. Бестужева, велась либо через семеновских солдат, либо через „славян“. В Южном обществе

¹⁾ Записки И. Горбачевского, „Русский Архив“, 1882 г., т. I, стр. 444. Разрядка моя—П. П.

находились и такие brave полковники, как Тизенгаузен, который полагал, что солдата можно заставить ползти к чорту на рога, выкатив несколько боченков сивухи; или Ентальцев, не раз заявляющий; „Я бы свою роту, если бы она за мной не пошла, погнал бы палкою“.

У „славян“ же мы находим и зачатки терроризма. Группа заговорщиков, подбираемая Пестелем для проектируемого убийства императорской фамилии, состояла почти из одних „славян“.

При всей туманности своего идеала, „славяне“ были решительными революционерами и, что весьма важно, в ходе самого восстания показали себя таковыми.

Не даром, по свидетельству И. Горбачевского, „Славянский союз носил на себе отпечаток какой-то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членов оного посвящать все свои мысли, все действия благу и свободе своих единоплеменников и жертвовать всей жизнью для достижения сей цели, произносилась на оружии; от одних своих друзей, от одного оружия славяне ожидали исполнения своих желаний: мысль, что свобода покупается не слезами, не золотом, но кровью, была вкоренена в их сердца, и слова знаменитого республиканца, сказавшего: „обнаживши меч против своего государя, должно отбросить ножны, сколь возможно далее“, должны были служить руководством их будущего поведения“¹⁾.

¹⁾ Записки И. Горбачевского. „Русский Архив“, 1882 г. т. I, стр. 457—460. Разрядка моя — П. П.

В предисловии к одной брошюре Герцена¹⁾ М. Н. Покровский высказал вполне верную мысль о том, что Чернышевский и Добролюбов являются историческими наследниками Пестеля. Это, повторяем еще раз, верно. Но их сближает, конечно, не программа, — хотя и здесь отдаленная связь, нам кажется, существует, — а тактика.

„Медленно, постепенно, исподволь, — постоянно твердили „славянам“ главари „южан“, — нужно готовиться к восстанию“. Почти тот же тактический совет мы находим и в знаменитой прокламации к „Барским крестьянам“. Вот это „исподволь“ — суть тактики Чернышевского, а позднее — всех „лавристов“.

„Славяне“ ближе к бунтарям, есть в них что-то от Нечаева и „Народной Воли“, и, если кто-нибудь из революционеров двадцатых годов имеет право за свои тактические принципы именоваться, условно, конечно, „большевиками пригиготительного класса“, — так это „Соединенные славяне“.

Замечательно и то, что в идейно руководящем центре этих революционеров-разночинцев мы находим и убежденных атеистов, а это было далеко не обыденным явлением среди декабристов. Воспитанные в дворянских, зачастую в аристократических семьях, с культом французской культуры, декабристы не были обряднорелигиозными людьми. Но верующими большинство их было, и это особенно ярко сказалось после разгрома восстания, перед лицом смерти.

Показания Пестеля, Трубецкого, Рылеева, С. Муравьева-Апостола — испещрены ссылками на божествен-

¹⁾ „Русский заговор 1825 г.“, ГИЗ, 1926 г.

ное провидение, что значительно реже встречается в следственных делах „славян“. Борисов 2-й и Горбачевский испытали на себе сильное влияние французской материалистической философии XVIII ст.—Гельвеций, Гольбах, Дидро были их излюбленными авторами. Борьба с „предрассудками“ входила в круг основных обязанностей „славян“.

Для характеристики их настроений приведем одно из показаний А. И. Борисова 1-го.

Вот, что отвечал он на известный седьмой вопросный пункт следственного комитета: „Я не нахожу в себе ни вольнодумства, ни либеральных мыслей, но все то, что здравый разум может внушить при беспристрастном и прилежном рассматривании вещей: всеобщий голос неудовольствия в народе дал мне идею к размышлению, и я заметил, что это происходит от несправедливых требований правительства. С каким вы прилежанием стараетесь изыскать историю прежних моих поступков, не с тем намерением, чтобы уменьшить оные, но дабы не упустить ни малейшего случая наказать достойно. Я откровенно,— пишет Борисов,— объявил, что сам себя считаю виновным против самовластного правления; но по своему рассудку не признаю ни себя, ни кого-либо из своих товарищей. Может-быть, я в заблуждении, но твердо уверен, что законы ваши не правые; твердость их находится в силе и предрассудках. Знаю, по законам должен быть как заговорщик расстрелян, а как цареубийца четвертован; по смягчению приговоров в России, буду приговорен, конечно, за первое: сослан на поселение,

а за второе в каторжную работу; а государь, — с горькой иронией замечает Борисов, — верно из сострадания переменит на вечное тюремное заключение. Следовательно, к чему еще ненужное пояснение прежних моих поступков¹⁾.

Такую непоколебимую уверенность в своей правоте, такую твердость перед заплочных дел мастерами из Николаевского следственного комитета, проявляли лишь очень немногие декабристы. И этот героизм, кажется нам, рождался именно из близости „славян“ веками угнетаемым народным низам.

Не менее ярко и показание Андреевича 2-го. Вот, что отвечал этот фанатик вольности, один из активнейших пропагандистов идеи восстания среди солдат, на вопрос о причинах своего вольномыслия и деятельности по тайному обществу: „Стоны жен, вопли детей, плач вдов мужей военных, забытые сироты, постоянно попадающиеся нищие, слепые и изувеченные, разорение в деревнях крестьян — не есть ли доказательство, что отечество забыто и что скрывается какой-то тайный отечественный враг, который все упомянутые несчастья посылает для пагубы соотечественников... Я не знаю, — продолжает Андреевич, — для чего Россию называют благоденствующей, когда народ и войско обливаются слезами и через свое невежество ропщут на бога, и до того заблуждены, что все их злоключения приписывают творцу, их создавшему, но кто всему причиною. Я говорю еще потому, что, обращаясь с ними (с солдатами — П. П.)

1) „Восстание декабристов“, т. V, дело Борисова 1-го, стр. 85. Разрядка моя — П. П.

и пользуясь их доверенностью, исповедывал их тайные чувства“.

„Теперь скажите, — восклицает Андреевич, — видевши ежедневно негодования и ропот сих несчастных столбов отечества, можно ли было не чувствовать их положение человеку, тому, который исполнен чувств человеколюбия и который добровольно приносил жизнь свою в жертву для искупления сего „несчастливого народа“. Под влиянием этих мыслей Андреевич вступил в общество „Соединенных славян“, под их же влиянием он клялся на кресте положить жизнь за дело народа. „В знак согласия, — говорит он, — целовал крест и объявил свою готовность на все, что оное общество ни потребует для блага народа; решился мстить тому, кто есть причиною тиранства, слез и преступлений для моих соотечественников. Решился и действовать сообразно наставлениям Бестужева. Мне не мудрено было успеть в доверенности и решимости их на все. Каждый чувствовал справедливость их сих убеждений и, соображая с собственными своими обстоятельствами, соглашался жертвовать своею жизнью, клялся мстить своему мучителю, кто бы он ни был, хотя бы даже в царствующей особе заключались причины их угнетения“.

И, если искать среди декабристов людей, у которых не дрогнуло сердце и перед виселицей, так, между прочим, одним из таких был „славянин“ Андреевич 2-й. „Оправдывать себя, — пишет последний, — не могу против чувств своих, но чистосердечное мое изъяснение всегда может обратить на меня справедливый глаз судей. С удовольствием предаю себя строгости

закона, для меня собственно нет счастья, но в счастье народа был бы я счастлив“.

„Человеку с чувствами сострадательными,— пишет Андреевич,— трудно жить в сем мире, где ежедневные картины несчастий человеческих поражают взор такого человека, а сим самым стесняют грудь и дыхание. На смерть взираю я с большим хладнокровием, нежели на страдание сочеловека“. Этот „славянин“ и перед лицом смерти не отказывается от выстраданных убеждений. Большинство декабристов, потерпев поражение, вольно или невольно становились ренегатами, молили о пощаде и более всего боялись, как бы их пример не нашел подражания. Иное с Андреевичем 2-м. Он верил в будущую победу народной революции и потому не без некоторой гордости писал: „Благоденствующие потомки почтут мою смерть“.

„Напрасно стараются разыскивать всех тех, кои к сему причастны,— пишет он в ответ на требование назвать соучастников по заговору,— это значит умножить число страждущих, и положение отечества для сильно чувствующих несправедливости делать разительнее. Вряд ли истребится пламя, вожженное в сердцах человеков, надобно раздирать естество оных, чтобы погасить горящие сердца любовью,— другого средства нет. Да притом в нынешнее время чувствующих так много, что, дабы истребить их, надобно потерять большую часть войска и не в пример более граждан“.

Малодушие, просьбы о милости, ссылки на то, что в заговор они были вовлечены чуть ли не насильно, к сожалению, встречаются и у „славян“, например, у того же Горбачевского; но отрицать большой револю-

ционной стойкости за „славянами“—нельзя. Многие ли декабристы говорили таким языком с николаевскими палачами, как Андреевич 2-й, заявивший: „Я с Муравьевым (С. И. Муравьевым-Апостолом, руководителем восстания на юге—П. П.) знаком действительно, уважая его добродетель. Он не был бесчестен, он не помрачил своего достоинства ни трусостью, ни подлостью; просвещен, любим всеми за благородные его качества. Я почитал его и старался быть с ним знаком. И, если теперь посему и страдаю, сие страдание мне отрадно, ибо страдаю с другом человечества, который для общего блага не только не щадил своего имущества, но даже жизни“¹⁾).

Итак, „славяне“ стояли, несомненно, левее Пестеля. Недифференцированность русского общества в первой четверти XIX в.—причина того, что эта организация прекратила самостоятельное существование и влилась в Южное общество. Разгром восстания захватил „славян“ на такой стадии развития, когда они идеологически еще не окончательно оформились.

IV. Восстание.

Мысль — вооруженным путем покончить с самодержавием—в неясном виде бродила в головах представителей левого крыла декабристского движения еще со времени московского съезда 1821 г., и даже до него.

¹⁾ „Восстание декабристов“, т. V, дело Андреевича 2-го. Разрядка всюду моя — П. П.

Более конкретные формы она начинает принимать в 1823 г. В середине этого года Васильковская управа выдвигает план восстания, сводящийся в основном, к следующему: 1) восставшие части захватывают Бобруйскую крепость в момент посещения ее императором; 2) вслед за этим немедленно поднимаются 8-я и 9-я пехотные дивизии; войска двигаются на Москву; 3) одновременно с восстанием на юге, петербуржцы должны захватить власть в столице, а тульчинцы в ставке 2-й армии.

Аналогичный, с несущественными вариантами, план С. Муравьев и Бестужев-Рюмин выдвигают и в 1824 г. Этот же план, уже в более конкретном и серьезном виде, возрождается осенью 1825 г. в дни Лещинских маневров. Как раз в это время общество „Соединенных славян“, тесно связанное с солдатской массой, вливается в состав „южного“ заговора. Шансы на успех, таким образом, возрастали, и, после упомянутых Лещинских маневров, С. И. Муравьев разрабатывает детальный план восстания, которое должно было начаться в 3-м пехотном корпусе, при смотре его Александром, летом 1826 г. К Муравьевскому плану примыкает Пестель, и даже С. П. Трубецкой обещает всемерную поддержку в Петербурге.

Быстрый и решительный военный переворот, а не массовая народная революция—вот характерная черта всех проектов вооруженного восстания даже в Южном обществе. Слов нет, здесь мы не встречаем такого панического страха перед всенародным восстанием, как у „северян“. Ставка на юге была ставкой как-никак на более или менее сознательное высту-

пленение солдат; т.-е. тех же мужиков, облеченных в казенные мундиры. Но гражданской войны, плебейской расправы самих народных низов, опирающейся не на закон, а на ничем не регламентированное прямое насилие, Пестель старается избегать всеми силами.

Это отнюдь не значит, что он вообще отрицал насилие. Как помнит читатель, Пестель не отказывался и от террора; но осуществлять террор должна революционная власть, вышедшая из восстания, а не народная стихия.

Самая мысль о Временном верховном правлении, располагающем неограниченной властью (объективно это было бы моментом мелкобуржуазной диктатуры в общем процессе буржуазной революции), вытекала у Пестеля из стремления избежать гражданской войны: „Ужасные происшествия, бывшие во Франции во время революции, заставляли меня искать средство к избежанию подобных, и сие - то произвело во мне впоследствии мысль о Временном правлении и его необходимости, и всегдашние мои толки о всевозможном предупреждении всякого междоусобствия“¹⁾. Однако нужно закрыть глаза на историческую действительность, чтобы утверждать, что Пестель не понимал значения масс в революции. Ведь не кто иной, как он же, излагая планы Южного общества, заявлял следующее: „Во - вторых, надлежало обществу усилить число своих членов до такого количества, чтобы можно было посредством членов ввести образ мыслей Союза в общее мнение, и намерение Союза как можно более передать в общее желание, дабы общее мнение ре-

¹⁾ „Восстание декабристов“, т. IV, дело Пестеля, стр. 90 — 91.

волюции предшествовало, а вместе с тем, дабы членов Союза так по всему государству распространить, чтоб через них можно было не только повсюду пресечь всякое сопротивление, но даже везде устроить содействие, когда бы революция началась" ¹⁾). Да и в „Русской правде“ мы находим аналогичное место: „Временное верховное правление, — говорится здесь, — обязано новый государственный порядок, Русскою правдою определенный, постепенными мероприятиями ввести и устранить, а народ обязан сему введению не только не противиться, но, напротив того, Временному верховному правлению усердно всеми силами содействовать“.

Активное содействие масс, в форме выступления с оружием в руках, было нежелательно; от них требовалось пассивное, если можно так выразиться, участие в перевороте.

Итак, восстание было намечено на лето 1826 г. В Южном обществе, точнее в васильковской организации, шла лихорадочная деятельность по собиранию сил и агитации в солдатских кругах. На „севере“ было значительно тише, но и там обещали поддержку.

Провокация с одной стороны, трагикомический исторический фарс, разыгравшийся в дни междуцарствия — с другой, разрушили все планы заговорщиков.

Объективным ходом вещей они были поставлены перед дилеммой — теперь или никогда!

* * *

---

¹⁾ „Восстание декабристов“, т. IV, дело Пестеля, стр. 102. Разрядка моя — П. П.

Так называемое
междуцарствие
1825 г.

19 ноября 1825 г. в Таганроге скончался „благословенный“ Александр I. Так как покойный император отошел в лучший мир бездетным, то, по существующим законам о престолонаследии, корона переходила к следующему за ним, по старшинству, брату Константину, достойному сыну полусумасшедшего отца. Все сошло бы, пожалуй, совершенно гладко, но тут вмешалось одно обстоятельство, которое и дало гвардии возможность в последний раз сыграть роль „избирательного корпуса“, к которой гвардия так привыкла за XVIII да и начало XIX века. Дело в том, что еще в 1823 г. Константин, под давлением обстоятельств, вынужден был подписать отказ от права на престол. Этот документ, вместе с манифестом Александра на сей счет, хранился в Успенском соборе в строжайшем секрете.

На этой почве и разыгрывается скрытая борьба за корону в царской семье, которую придворные историографы изобразили в красках великодушия и всяческих добродетелей.

Николай, прекрасно осведомленный о тайне Успенского собора, но опасавшийся грандиозного скандала, присягает Константину.

Константин, по тем же соображениям, дарит престол Николаю. Гвардия и армия присягают Константину. Монетный двор штампует на рублях физиономию нового императора; в витринах столичных магазинов появляется портрет Константина I.

Императрица - мать изнывает от нетерпения в ожидании развязки и наедине размышляет о том, нельзя

ли как - нибудь из этой истории извлечь выгоду, сменив положение вдовствующей государыни на положение регентши. Фельдъегери, лишившись сна, беспрестанно скачут из Петербурга в Варшаву и из Варшавы в Петербург. Михаил Павлович временно впадает в нейтралитет и по поручению матери перехватывает в Неналле письма Константина, в ожидании, пока, наконец, закончатся „домашние сделки.“ А письма эти, хотя Константин и продолжал отказываться от престола, составлены были в таких сильных и непочтительных выражениях, что опубликовать их, и тем открыть Николаю путь к короне, долго не решались. Тревога во дворце приближалась к апогею, когда 12 декабря Николай получил первое известие о заговоре. Наконец 13-го Сперанский написал манифест о вступлении на престол Николая I.

Брезжил рассвет рокового дня.

* * *

Подготовка вос-
стания в Север-
ном обществе.

Вошло в обычай, у историков известного направления, изображать восстание декабристов, как чуть ли не прискорбную историческую случайность. Никто, мол, из них, за исключением разве Пестеля, всерьез о восстании никогда и не помышлял. Не восстания хотели декабристы, а мирного сотрудничества с властью под сенью монархической конституции. Но, так как восстание — несомненный исторический факт, то делается попытка объяснить его экзальтированностью и жертвенным настроением. Загнанные в под-

полье, доведенные до отчаяния мыслью о крахе их надежд, разжигаемые искусными демагогами, в роде Пестеля, декабристы не сумели „правильно действовать“ и неожиданно для себя поднялись на восстание, в котором и пали.

Такое объяснение декабрьских событий 1825 г. и до сих пор дает, например, Милюков.

Однако историческая действительность ломает либерально-буржуазную интерпретацию декабрьского восстания.

Несомненно, что вооруженное выступление входило в программу Северного общества еще задолго до смерти Александра I.

Берем показания теоретика „северян“ Никиты Муравьева, которого уж никак нельзя обвинять в пристрастии к оружию как средству реализации целей заговора или в „юношеской экзальтации“.

Муравьев был холодный и расчетливый человек с так называемым „государственным“ складом ума, и тем не менее вот, что он говорит: „Я полагал: 1) распространить между всеми состояниями людей множество экземпляров моей конституции, лишь только она будет мною окончена ¹⁾. 2) Произвести возмущение в войске и обнародовать оную. 3) По мере успехов военных, во всех занятых губерниях и областях приступить к собиранию избирателей, выбору тысяцких, судей, местных правителей, учрежде-

¹⁾ „Конституцию мою, — говорит Н. Муравьев, — я читал только старейшим членам Северного общества, и мне казалось, что она была согласна с их образом мыслей“. См. „Восстание декабристов“, т. I, стр. 325. Разрядка моя — П. П.

нию областных палат, а в случае великих успехов и Народного вече. 4) Если б и тогда императорская фамилия не приняла конституции, то как крайнее средство я предполагал изгнание оной и предложение республиканского правления“¹⁾).

Со второй половины 1825 г. в Петербурге начинают поговаривать о возможности выступления в мае 1826 г. Смерть Александра активизировала Северное общество, — собрания участились, напряжение росло.

Присяга Константину, не вызвавшая колебаний в гвардии, поставила заговорщиков перед возможностью принятия им короны. Вожди „северян“ — Трубецкой, Рылеев, Оболенский — решают, при таком обороте дела, повторить историю 1821 г. т. - е. формально ликвидировав общество, продолжать работать в одиночку и, стараясь занять более или менее важные посты в гвардии и правительственном аппарате, начать через несколько лет действия.

Но вскоре в столице распространился слух, что Константин отказывается от престола.

Это снова заставило заговорщиков подумать о восстании. В качестве предлога к подъему на восстание войсковых частей можно было использовать присягу Константину. В дни междуцарствия, в одном из заседаний центра „северян“, Оболенский в упор поставил Трубецкому следующий вопрос: „Если же император (подразумевается Константин — П. П.) откажется — в таком случае что делать?“ „В сем случае, — отвечал Трубецкой, — мы не можем никакой отговорки принести

---

¹⁾ „Восстание декабристов“, т. I, стр. 325. Разрядка моя — П. П.

обществу, избравшему нас, мы должны все способы употребить для достижения цели общества" ¹⁾.

К 9 декабря 1825 г. заговорщики были уже „почти уверены“ в том, что Константин не займет престола и „с того времени, — по показаниям Оболенского, — начали действовать „решительнее“. В эти дни Северное общество поспешно вербует новых членов, преимущественно среди гвардейских офицеров, занимающих непосредственно командные посты в войсковых единицах. Руководителем всех действий с полномочиями „полновластного диктатора“ избирается Трубецкой. „С того дня, — показывает Рылеев, — Трубецкой уже был полновластным начальником нашим, он или сам или через меня или через Оболенского делал распоряжения“ ²⁾.

И вот как раз в эти дни, 9 или 10 декабря, у заговорщиков впервые закрадывается сомнение в успехе. Сомневался Трубецкой. Однакоже, когда Рылеев спросил его, „какую силу полагает он достаточною для совершения наших (т.-е. заговорщиков — П. П.) намерений“, Трубецкой отвечал: „Довольно одного полка“. „Так нечего и хлопотать, можно ручаться за три, а за два наверное“. Впоследствии же, — продолжает Рылеев, — „когда, сверх означенных, стали надеяться и на полки Измайловский, Финляндский и Егерский, то все без исключения решительно говорили, что сами обстоятельства призывают общество к началу действий и что не воспользоваться оными,

---

¹⁾ „Восстание декабристов“, стр. 246. Разрядка моя — П. П.

²⁾ Там же, т. I, стр. 160 — 161.

со столь значительною силою, было бы непростительное малодушие“¹⁾).

12-го на квартире у Оболенского „диктатор“ созывает представителей гвардейских частей, назначенных к выступлению, и вот здесь - то впервые довольно ясно вскрывается необоснованный оптимизм заговорщиков. Определить точно силы, которыми заговор может располагать, так и не удалось; чувствовалось только, что они не настолько велики, как предполагали ранее. Тем не менее и в этот день „все из присутствующих были готовы действовать, все были восторжены, все надеялись на успех“²⁾).

В последнем заседании, в ночь на 14 декабря, на квартире Рылеева, атмосфера накалилась до крайности.

Завтрашний день должен был решить судьбу заговорщиков и их дела. Крайне осторожный Трубецкой решил окончательно выяснить боевые силы заговора.

Убедившись, что они невелики и что с этими силами можно одержать победу только при наступательной тактике, он начал слишком прозрачно намекать на возможность поражения и закончил предложением: в случае, если полки не откажутся присягать Николаю и сами не выйдут на Сенатскую площадь, — покориться обстоятельствам и самим присягнуть. Последняя перспектива была, в сущности, нереальной, ибо Николаю уже было известно о существовании заговора. „Северян“ предал Яков Ростовцев (свершивший на этом предательстве „славную“

¹⁾ „Восстание декабристов“, стр. 185.

²⁾ См. Записки барона А. Е. Розена, СПб, 1907 г., стр. 63—64.
Разрядка моя — П. П.

карьеру), но, как предатель „честный“, сообщил о своем доносе и Оболенскому.

Естественно, что в ответ на предложение Трубецкого Рылеев воскликнул: „Нет, уже теперь так оставить нельзя, мы слишком далеко зашли, может-быть нам уже и изменили“. „Мы на смерть обречены,— закончил он,— я становлюсь в ряды в роту Арбузова“.

Энтузиазм Рылеева нашел отклик почти у всех собравшихся. Наперебой говорили о славной смерти за свободу, отечество и т. д. и т. п.

Александр Бестужев в порыве экзальтации воскликнул, что о них „в истории страницы напишут“.

Как „реального политика“, Трубецкого возможные восторги потомков очень мало трогали, и он, не без яда, заметил: „Так вы за этим-то гонитесь!“

„В это время,—повествует Трубецкой,—кто-то разнес слух, что артиллерия взяла по три ящика зарядов, тогда я, воспользовавшись сим, сказал им, что „господа, ведь другие-то полки стрелять не будут, но артиллерия-то будет палить“. Мне показалось, что это всех усмирило, и я вышел в твердой надежде, что ничего уже не будет. Но во всяком случае я уже решил никакого участия не брать ни в каком случае“ в восстании¹⁾. Диктатор отчасти лжет потому, что он не сложил с себя полномочий и на утро обещал явиться на Сенатскую площадь, с другой стороны, он жестоко ошибся. Устрашающее впечатление артиллерии довольно скоро прошло, и вопрос о выступлении на завтрашний день был решен положительно. „Расходясь,—вспоминает А. Бестужев,—мы так твердо

¹⁾ См. „Восстание декабристов“, т. I, стр. 19—20.

были уверены, что или мы успеем, или умрем, что не сделали ни малейших сговоров на случай неудачи¹⁾. Бестужев, однако, не совсем прав. Действительно, по степени организованности восстания декабристы были бесконечно далеки от, скажем, Октябрьского восстания, но, тем не менее, план Трубецкого предусматривал и полууспех: в этом случае предполагалось отступить к Новгородским военным поселениям²⁾.

Заслуживает внимания одна, правда запоздалая, попытка „северян“ повести агитацию в солдатских массах.

В ночь на 14 декабря Бестужев и Рылеев ходили по Петербургу и агитировали караульные патрули,— кстати сказать, весьма успешно. Солдаты жадно слушали речи о воле, о сокращении военной службы и т.д.

Восстание, как таковое, отнюдь не было фатально обречено на гибель. Придворные историки да и сам Николай любили впоследствии изображать его как безнадежный преступный бунт „кучки извергов“.

Но даже вечером 14 декабря, после разгрома восставших, Николай усеял весь город верными ему войсками. Петербург в эту ночь напоминал осажденную крепость. А в утро восстания претендент на престол дрожал настолько, что поручил шталмейстеру Долгорукову приготовить загородные экипажи „на всякий случай“. Похвалившись преданностью ему народа, Николай позаботился даже о том, чтобы это

¹⁾ „Восстание декабристов“, т. I, стр. 452.

²⁾ Там же, стр. 36—37.

были не дворцовые кареты, а обыденного типа городские экипажи. „Царелюбивому“ народу плохо доверяли в критические минуты.

Заговорщики к 12 часам имели в своем распоряжении уже 3.000 штыков, у Николая их в это время было не больше. Да и позже Николай располагал только 9.000 солдат. Даже при таком соотношении сил победа декабристов была возможна¹⁾. Нужно ведь принять во внимание огромное сочувствие правительственных войск восставшим. „Продержитесь только до темна“, говорили конногвардейцы московцам, „перейдем к вам“. Нужно было решительное наступление на правительственные войска, но его-то и не было.

Розен, которому удалось с одним стрелковым взводом, шедшим впереди, задержать целый баталион Финляндского полка на Исаакиевском мосту, так описывает эти минуты: „Слишком два часа стоял я неподвижно, в самой мучительной внутренней борьбе, выжидая атаки на площади, чтобы поддержать ее тремя с половиною ротами или восемьюстами солдат, готовых следовать за мной повсюду.“ „Люди,— говорит он,— рабочие и разночинцы, шедшие с площади, просили меня держаться еще часок и уверяли, что все пойдет ладно“²⁾.

Эти же самые „люди“ из-за ограды строящегося Исаакиевского собора бомбардировали поленьями и камнями прятавшегося там Николая и его генералитет.

¹⁾ См. проф. Пресняков — „14 декабря 1825 г.“, Гиз. 1926 г. В приложениях к этому труду помещена крайне интересная военно-историческая „Справка“ Г. С. Габаева.

²⁾ Записки Розена, стр. 63 — 69. Разрядка моя — П. П.

Но напрасно ждал Розен, напрасно ожидали рабочие и разночинцы, напрасно, наконец, ожидали и сами восставшие солдаты на стуже зимнего дня.

Среди заговорщиков, находившихся на площади, царило великое смятение.

Когда, наконец, во втором часу дня рассеялась всякая надежда на приход Трубецкого, заговорщики решили избрать нового начальника. А злополучный „диктатор“, в жалком, расстроенном виде, метался на извозчике по Петербургу в поисках места, где от него немедленно приняли бы присягу на верность новому императору¹⁾. В такой обстановке Оболенский обратился к старшему по чину, после Трубецкого, морскому штаб-офицеру Николаю Бестужеву, с просьбой принять командование над восставшими частями. Как моряк, неискушенный в управлении сухопутными войсками, Бестужев отказался и предложил начальствовать самому Оболенскому. „Тогда,— повествует этот последний, — Кюхельбекер взял меня за руку и подвел к нижним чинам гвардейского экипажа, объявляя, что я их начальник. Вот все, чем начальство мое и окончилось. Я других распоряжений никаких не делал и одно добро, которое мог сделать, было то, что я остановил огонь, произведенный задним фасадом против конно-пионер без всякой команды. Сверх сего,— продолжает Оболенский,— я предлагал три раза собрать военный совет и решить, что именно делать должно, особенно после милостивых предложений, посылаемых

---

¹⁾ Дело, разумеется, не в животной, а в политической трусости Трубецкого.

государем императором; но все так потерялись и в таком были смятении, что, приняв мое предложение, шли, дабы собрать офицеров, и на дороге раздумывали и молчали или занимались другим¹⁾.

А восставших, между тем, все теснее и теснее сжимало железное кольцо николаевских войск.

Ни „отеческие увещавания“ петербургского генерал-губернатора Милорадовича, убитого из пистолета П. Г. Каховским, ни проповеди митрополита, прогнанного с позором, ни угрозы артиллерии — не сломили восставших.

Николай долго колебался:— настроение и солдат и толпы было угрожающим. Спускавшаяся тьма могла поглотить последние остатки дисциплины в самих правительственных войсках, и тогда ближайшее будущее уже не зависело бы от императора. Колебания Николая прекратились — был дан приказ палить из пушек. В сумерках зимнего петербургского дня началась кровавая расправа.

„Первая пушка грянула — картечь рассыпалась; одни пули ударили в мостовую и подняли рикошетами снег и пыль столбами, другие вырвали несколько рядов из фронта, третьи с визгом пронеслись над головами и нашли своих жертв в народе, лепившемся между колоннами Сенатского дома и на крышах соседних домов. С первого выстрела семь человек, ошеломленные, упали: я не слышал ни одного вздоха, — говорит в своих воспоминаниях Н. Бестужев, — не приметил ни одного судорожного движения — столь

---

¹⁾ „Восстание декабристов“, т. I., стр. 243. Разрядка моя — П. П.

жестоко разила картечь на этом расстоянии. Совершенная тишина царствовала между живыми и мертвыми. Другой и третий выстрелы повалили кучу солдат и черни, которая толпами собралась около нашего места; разбитые оконницы зазвенели, падая на землю, но люди, слетевшие вслед за ними, растянулись безмолвно и недвижимо, как будто одеревенели... С пятым или шестым выстрелом колонна вставших солдат дрогнула. „Почуяв это,— продолжает Бестужев,— я очнулся; между мной и бегущими была уже целая площадь и сотни скошенных картечью жертв свободы. Я должен был следовать общему движению и с каким-то мертвым чувством в душе пробирался между убитыми; тут не было ни движения, ни крика, ни стенания, только в промежутках между выстрелами можно было слышать, как кипятилась кровь струями по мостовой, растопляя снег,—потом сама, алая, замерзала.

За нами двинули эскадрон конной гвардии, и, когда при входе в узкую Галерную улицу бегущие столпились, я достиг до лейб-гренадеров, следовавших сзади, и сошелся с братом Александром; здесь мы остановили несколько десятков человек, чтобы, в случае натиска, сделать отпор и защитить отступление, но император предпочел продолжать стрельбу по длинной улице.

Картечь догоняла лучше, нежели лошади, и составленный нами взвод рассеялся. Мертвые тела солдат и народа валялись и валялись на каждом шагу; солдаты забегали в дома, стучались в ворота, старались спрятаться между выступами цоколей, но картечь пры-

гала от стен в стены и не щадила ни одного закоулка“¹⁾).

„Тотчас по прекращении стрельбы,— свидетельствует другой современник декабрьских событий,— новый государь приказал обер-полицеймейстеру Шульгину, чтобы трупы были убраны к утру. Шульгин распорядился бесчеловечно. В ночь по Неве от Исаакиевского моста до Академии Художеств и дальше, к стороне Васильевского Острова, сделано было множество прорубей, величиною, как только можно было опустить человека, и в эти проруби к утру опустили не только все трупы, но (ужасное дело) и раненых, которые не могли уйти от этой кровавой ловли. Другие ушедшие раненые таили свои раны, боясь открыться медикам и правительству, и умирали, не получив помощи. От этого-то в Петербурге почти не осталось в живых из тех, которые были ранены 14 декабря... когда по Неве начали добывать лед,— то многие льдины вытаскивали с примерзшими к ним рукой, ногой или целым человеческим телом. Правительство должно было запретить рубку льда у берега Васильевского Острова и назначило для этого другие места на Неве. Со вскрытием реки трупы погибших унесены в море“²⁾).

Небезынтересно и то, что,— по свидетельству того же автора,— Петербург в ночь с 14 на 15 декабря стал ареной грабежа. Представители „порядка“, нико-

¹⁾ См. Воспоминания братьев Бестужевых, Пгр., 1917 г., стр. 45 — 46. Разрядка моя — П. П.

²⁾ См. статью М. М. Попова: „Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 г.“ — „Былое“, 1907 г., № 3.

лаевские полицейские, раздевали почти донага не только убитых и раненых, но попадавших в их лапы одиночек из той самой толпы, что окружала Сенатскую площадь.

* * *

Почему же заговорщики так странно, так непоследовательно держались? Почему они не захватили артиллерию, когда могли это сделать ¹⁾, почему не бросили всех своих сил против правительственных войск, чтобы одним ударом покончить с самодержавием? ²⁾ Почему, наконец, не была использована энергия народных масс, тысячными толпами стекавших на Сенатскую площадь? Может-быть, северяне боялись крови вообще?— Так нет. На очной ставке, данной Трубецкому с Рылеевым, диктатор, припертый к стене этим последним, вынужден был признать, что в составленный им план переворота входил, между прочим, вооруженный захват дворца с находившейся в нем императорской семьей,— а эта тактическая операция стоила бы многих человеческих жизней. Объяснение, повидимому, нужно искать в чем-то другом. Дело не в боязни крови, хотя, разумеется, декабристы не были „извергами рода человеческого“, как пыталась изобразить их правительственная печать. Так-

¹⁾ Накануне восстания некоторые артиллерийские офицеры предлагали заговорщикам использовать и артиллерию.

²⁾ Так, напр., Панов, сопровождаемый двумя батальонами лейб-гренадер, при продвижении на Сенатскую площадь, мог без боя владеть крайне слабо защищенным Зимним дворцом со всею находящеюся там царской семьей и министрами—и, тем не менее, не сделал этого важного для исхода восстания шага.

тика декабристов, если оставить в стороне вопрос о неподготовленности восстания вообще,—определялась их классовой сущностью, и, в этом свете, она предстает перед нами уже далеко не такой непоследовательной и „странной“.

В самом деле, чего хотели вожди Северного общества — подлинно демократической революции или государственного переворота, в котором оружие используется не по своему прямому назначению, а только в целях „давления на власть“? Ответ на этот основной вопрос дан, в сущности, уже в третьей главе. Но „северяне“, в форме не оставляющей и тени сомнения насчет истинного содержания их намерений, дали его, еще раз, в показаниях на следствии. О Трубецком говорить нечего, тот прямо признавался,— и в этом ему можно верить,— что кардинальнейшей задачей для него являлось сохранение „и посреди самого бунта и мятежа тишины и спокойствия“. Ясно говоря, он больше всего боялся, как бы государственный переворот, руководимый гвардейским офицерством, не перерос в настоящую народную революцию. Одна мысль, что он, Трубецкой, мог бы при случае стать „каким-нибудь Робеспьером или Маратом“, „истинным исчадием“—приводила злополучного диктатора „в содрогание“. Ну, Трубецкой, предположим, занимал эту позицию в качестве правого даже среди „северян“. Возьмем Рылеева, едва ли не наибольшего радикала, за исключением П. Г. Каховского, в кругу петербургских заговорщиков. Рылеев в мыслях доходил даже до признания необходимости истребления всей императорской фамилии.

Но, сделав об этом признание, он следующим образом аргументировал его перед следственным комитетом: „Я полагал,— говорил Рылеев,— что убиение одного императора не только не принесет никакой пользы, но, напротив, может быть пагубно для самой цели общества; что оно разделит умы, составит партии, взволнует приверженцев августейшей фамилии и что все это совокупно неминуемо породит междоусобие и все ужасы народной революции“¹⁾. Стало быть, и „Шиллер заговора“, как называл Рылеева Плеханов, залогом успеха считал „миновение“ народной революции. Но ярче всех этот страх перед народом, с оружием в руках отыскивающим свободу и достойную человеческого звания жизнь, выражен у Александра Бестужева: „Мы более всего боялись народной революции,— говорит он,— ибо она не может быть не кровопролитна и не долговременна“²⁾.

Таким образом „северяне“ были запуганы не только возможностью активного выступления масс, но и перспективой длительной гражданской войны как результата этого выступления.

Вот почему заговорщики так „странно“ держались в ходе самого восстания. Вот почему они, как и Николай I, уговаривали возмущенную „чернь“ разойтись по домам, вместо того, чтобы призвать ее к борьбе.

Даже на атаку правительственных войск они не решились пойти, ибо это, помимо их воли, означило бы

¹⁾ „Восстание декабристов“, т. I, дело Рылеева. Разрядка моя — П. П.

²⁾ Там же, дело А. Бестужева. Разрядка моя — П. П.

дачу сигнала к решительному и беспощадному столкновению. А мысль о плебейской расправе с многовековым игом рождала призрак всероссийской пугачовщины—сковывала язык и движения заговорщиков. „Северяне“ боялись „черни“ и потому клич „свобода“, „потрясающий,—по выражению Каховского,—сердца равно всех сословий“, не раздался на Сенатской площади.

Обстановка декабрьского восстания 1825 г. очень далека от исторической обстановки, в которой находилась Франция накануне падения Бастилии, и, тем не менее, Трубецкой, Н. Муравьев или Рылеев имели полное право повторить слова графа Верье, произнесенные им 13 июля 1789 г. перед Национальным собранием: „Мы идем между двумя подводными скалами,—между ненавистью наших врагов и яростью народа“.

И вот именно потому, что для „северян“ демократическая революция была страшной подводной скалой, о которую мог вдребезги разбиться корабль их социально-политических проектов,—не даром у Трубецкого фраза: последствия выступления „могут быть не таковы, как их предполагаешь“, сделалась почти поговоркой,—именно потому, что их выступление было рассчитано не на полное, безусловное уничтожение самих коренных основ старого порядка, а лишь на более или менее значительную перестановку того же старого, и сложившегося веками, социально-политического здания, не на уничтожение монархии, а на торг с ней,—они не могли пойти вместе с народом, единственной силой, способной раз-

бить старый строй, и тем самым исторически были обречены на поражение.

В лице декабристов была разгромлена первая и последняя чисто-буржуазная, в смысле ее конечных идеалов, революция в России.

* * *

Восстание Черниговского пехотного полка.

Артиллерийский расстрел вооруженной демонстрации в Петербурге был началом конца всего декабристского движения.

За ним последовал не менее жестокий разгром последней вооруженной вспышки—восстания Черниговского пехотного полка.

Как помнит читатель, на юге разрабатывался план грандиозного восстания, долженствовавшего охватить всю 2-ю и отчасти 1-ю армию. Но этот план провалился.

Еще в 1820 г., вскоре после беспорядков в Семёновском полку, правительство приступает к планомерной организации тайной полиции. Столицы, гвардия и наиболее подозрительные армейские части наводняются кадром провокаторов и агентов.

На юге во главе всего этого предприятия был поставлен граф Витт—большой специалист по уловлению крамолы и не меньший негодяй, так что даже в. кн. Константин Павлович находил невинным его „повесить“. Граф Витт непосредственно опирался на некоего дворянина Бошняка, сумевшего через одного из членов общества, доверявшего этому господину, получить кое-какие, не бесценные, сведения о заго-

воре. Впрочем, к чести „южан“, как конспираторов, следует сказать, что Бошняк, при всей его несомненной талантливости как ищейки, был далек от знания всех тайн заговора. Как только Бошняку стал более или менее точно известен персональный состав политического центра Южного общества, у него созрел план захватить этот центр с „поличным“ на январской (1826 г.) контрактной ярмарке в Киеве, где обычно происходили совещания „южан“. Карьера Бошняка-ищейки едва не погибла в связи с неожиданной смертью Александра I¹⁾. Пальму первенства у Витта и его присных вырвали Шервуд и Майборода, лично входившие в заговор. Их предательство могло нанести, и действительно нанесло, роковой удар по тайному обществу, ибо это были „свои“ люди (в особенности Майборода, пользовавшийся большим доверием Пестеля).

Так вот, в конце 1825 г. Александр через указанных лиц получил донос, проливавший „устрашающий свет“ на будущее. Были отданы распоряжения о немедленном аресте уже ставших известными императору и начальнику главного штаба бар. Дибичу членов тайного общества.

Первой жертвой предательства пал Пестель, арестованный накануне петербургских событий — 13 декабря 1825 г. Повидимому, в момент ареста вождь „южан“ не считал еще дела тайного общества окончательно проигранным: при кратком свидании с С. Г. Волконским, состоявшемся по счастливой случайности, Пестель заявил, что он будет категори-

¹⁾ Обо всем этом см. Записки Бошняка, „Красный Архив“, кн. XI.

чески отрицать все возложенные обвинения даже при страшных пытках¹⁾. И действительно, первые показания Пестеля идут в этом направлении²⁾. Повторяем, он, повидимому, тогда еще не представлял себе всей безнадежности положения.

Арест Пестеля всполошил „южан“. Становилось ясным, что полный разгром заговора — дело месяца, быть-может нескольких дней. Труссы и ренегаты начинали подумывать о покаянии. Часть заговорщиков склонялась к тактике Трубецкого — „покориться обстоятельствам“ и ждать. Левое крыло искало выхода в восстании. Вероятно, в связи с этой последней ориентацией и следует рассматривать приезд С. Муравьева-Апостола в Житомир 25 декабря³⁾. Здесь его застали первые, весьма смутные, сведения о петербургских событиях. С. Муравьев реагировал на это энергичным давлением на польское тайное общество в смысле втягивания его в переворот. Он решает „вовлечь поляков в такой поступок, после коего им оставалось бы только возмутиться“. Таким „поступком“ могло быть убийство цесаревича Константина, которого, в качестве гарантии, и требует Муравьев-Апостол от графа Мошинского именем директории Южного общества.

В расчете еще до начала восстания получить ответ из Варшавы, С. Муравьев-Апостол, на пути из Житомира в Васильков, посещает местечки Троянов

1) См. Записки С. Г. Волконского, изд. 2-е, СПб, 1902 г.

2) См. „Восстание декабристов“, т. IV, дело Пестеля.

3) Он направлялся в Житомир для переговоров с представителями польского тайного общества.

и Любар. Здесь были расположены кавалерийские полки, находившиеся под командой „южан“ Александра и Артамона Муравьевых. В Троянове С. Муравьев-Апостол получил уже подробные сведения о разгроме восстания на Сенатской площади и положении дел в столице. Сведения эти ставили южных заговорщиков в необходимость немедленно выступать, если они вообще намеревались принять бой с властью. В Любаре С. Муравьева-Апостола нагнал М. Бестужев-Рюмин с известием о том, что получен приказ на его арест. После некоторых колебаний С. Муравьев-Апостол решает пойти на бой. Он предлагает Артамону Муравьеву сейчас же поднять свой полк и спешно идти на соединение с распропагандированными частями 8-й артиллерийской бригады, где действовали „Соединенные славяне“, — но Артамон Муравьев отказал¹⁾. Надежда на Ахтырский гусарский полк, как и на некоторые другие, таким образом рушилась благодаря трусости тех самых людей, которые еще незадолго перед восстанием рисовались отчаянными смельчаками-революционерами. Получив отказ, С. И. Муравьев стремится к стоянкам Черниговского полка, чтобы взбунтовать его и пробиваться к Житомиру, присоединяя к себе стоящие на пути армейские части.

---

¹⁾ Андреевичу 2-му, позднее прибывшему просить поддержки, Артамон Муравьев ответил фразой, ходкой тогда среди „преданных“ делу революционных людей: „Поезжайте, ради бога, от меня, я своего полка не поведу, делайте там, что хотите, меня же оставьте и не губите — у меня семейство“ (см. „Восстание декабристов“, т. VIII, стр. 132 и „Красный Архив“, т. XIII, стр. 22).

Чтобы оповестить надежные части, необходимо было некоторое время. С. Муравьев останавливается в глухом углу Трилесах, откуда и был 28 декабря послан М. Бестужев-Рюмин в Брусилов и Новгород-Волынск—район расположения войск, распропагандированных „славянами“.

Вечером того же дня, через нарочного, С. Муравьев вызывает из Василькова некоторых ротных командиров—участников заговора в Черниговском пехотном полку. Но, еще до их прибытия, в ночь на 29 декабря С. Муравьев был арестован отыскавшими-таки его жандармами.

Прибывшие в Трилеса на рассвете, поручики Сухинов, Щепила, штабс-капитан Соловьев вместе с Кузьминым с оружием в руках освободили Муравьева-Апостола из-под ареста и, таким образом, фактически подняли восстание. Вообще едва ли подлежит сомнению, что восстание Черниговского пехотного полка—во всяком случае восстание в том виде, в каком оно действительно имело место—было делом „Соединенных славян“. Дальнейший ход событий разыгрывается следующим образом: Муравьев, опираясь на названных офицеров, энергичнейших сторонников восстания, и несомненное сочувствие солдат, поднимает несколько рот Черниговского пехотного полка, с которым без боя занимает 30 декабря Васильков. Квартирующие в нем немногие военные части восторженно присоединяются к восставшим. Дорога к Житомиру, казалось бы, была открыта, но двинуться немедленно в этом направлении С. Муравьев не решался, и не без оснований. Еще

до захвата Василькова, в Мытнице, с повстанцами встретился Бестужев-Рюмин, которому не удалось пробраться к Новгород-Волинску и обеспечить там успех восстания. С. Муравьев, через специально посланных людей, пытается выяснить положение дел в Киеве и временно оседает в Василькове.

Утром 31 декабря С. Муравьев, на городской площади, делает смотр восставшим войскам. „Собравшиеся роты,—рассказывает об этом событии крупнейший историк южного восстания, — были построены в густую колонну. Подошед к ней, С. Муравьев приветствовал солдат дружелюбно и потом в коротких словах изложил им цель восстания и представил, сколь благородно и возвышенно пожертвовать за свободу. Восторг был всеобщий: офицеры и солдаты изъявили готовность следовать всюду, куда поведет их любимый и уважаемый начальник. Тогда С. Муравьев, обращаясь к священнику, просил его прочитать политический катехизис, который состоял из чистых, республиканских правил, приготовленных к понятиям каждого. Священник читал громким и внятным голосом правила и обязанности свободных граждан ¹⁾. „Наше дело,—сказал С. Муравьев по окончании чтения, обращаясь снова к солдатам,—наше дело так велико и благородно, что не должно быть запятнано никаким принуждением; и потому, кто из вас, господа офицеры и рядовые, чувствует себя не спо-

¹⁾ „Православный катехизис“, — прокламации, принадлежащие перу С. Муравьева-Апостола,—представляет собой популярный агитационный документ, в религиозной форме зовущий к республике. См. его текст в деле С. Муравьева: „Восстание декабристов“, т. IV.

собными к такому предприятию, тот пускай немедленно оставит ряды; он может без страха остаться в городе, если только совесть его позволит ему быть спокойным и не будет его упрекать за то, что он оставил товарищей на столь трудном и славном поприще и в то время, как отечество требует помощи каждого из сынов своих“. Громкие восклицания заглушили последние слова С. Муравьева. Никто не оставил рядов, и каждый ожидал с нетерпением минуты лететь за славою или смертью“¹⁾.

После молебна, в третьем часу дня, С. Муравьев выступил из Василькова к Брусилову. Этот пункт занимал крайне выгодное положение — он находился на расстоянии всего одного перехода как от Киева, так и от Житомира. Здесь, в зависимости от характера информации о состоянии других воинских частей, Муравьев и решил окончательно определить план мятежа. Однако в деревне Мотовиловке повстанцы задержались, встретившись с 1-й гренадерской и 1-й мушкетерной ротами Черниговского полка. На предложение присоединиться — согласиём ответила только часть второй. Утром 1 января к восставшим присоединилась 2-я мушкетерная рота.

Таким образом, максимум боевых сил, которыми располагал С. Муравьев, выражался, примерно, в тысяче штыков при семнадцати офицерах.

И тут С. Муравьев допустил одну из самых крупных ошибок: не желая утомлять новым переходом солдат, он задержался на целый день в Мотовиловке. Это наполовину уже предрешило исход восстания.

---

¹⁾ Записки И. И. Горбачевского, стр. 123—125.

Если первые решительные шаги Муравьева на фоне петербургских событий, брожения в армии, чехарды с присягой двум императорам повергли в паническое состояние корпусные и дивизионные штабы южных армий, то уже через несколько дней положение радикально изменилось. Военные власти оправились от испуга и лихорадочно взялись за подавление восстания. Из района, охваченного мятежом, спешно уводятся ненадежные полки. Их место занимают кавалерийские и конно-артиллерийские части, совершенно не затронутые разложением. Кольцо антиреволюционных войск начинало замыкать мятежные роты.

В свете этих оперативных действий войсковых штабов становится понятным отказ Муравьева от намерения идти на Брусилов. Тем более, что ему не было известно ни о попытках „славян“ Борисовых поднять бунт в своих частях, ни о положении дел в Киеве.

Утром 2 января 1826 г. он выступает в направлении Белой Церкви в надежде получить там подкрепление от 17-го Егерского полка. Однако и этот маневр был осужден на неудачу. В расстоянии 15 верст от Белой Церкви, мятежники, через разведчиков, были осведомлены, что городок покинут всеми войсками.

Оставался последний выход — через Трилеса, хоть с боем, пробиться в район расквартирования 8-й пехотной дивизии.

Эти скитания Муравьева, на первый взгляд лишенные почти всякого смысла, чрезвычайно отрицательно отразились на мятежной солдатской массе: дисциплина падала, раздавался все более громкий ропот, усиливалось дезертирство.

В таком состоянии повстанцы были встречены отрядом ген. Гейсмара. Встреча произошла 3 января около часа дня между деревнями Ковалевкой, Устимовкой и Поляниченцами, в крайне невыгодных для мятежников условиях. Они принуждены были принять бой с вооруженным артиллерией противником — на открытой безлесной местности. Да и боя фактического не произошло, ибо это было одностороннее избиение. На попытку С. Муравьева сломить правительственный отряд штурмом ген. Гейсмар ответил орудийными залпами. Колонны мятежников дрогнули. С. Муравьев, тяжело раненный в голову, пытался снова сесть на лошадь и броситься на пушки, но в это время с тыла в ряды мятежников врезались гусары и довершили дело, начатое артиллерией.

Так был подавлен мятеж Черниговского пехотного полка, мятеж, который имел некоторые шансы вырасти в большого исторического значения военно-крестьянское восстание, если бы вожди „южан“ не остановились перед лозунгом гражданской войны. В самом деле, документы той эпохи свидетельствуют о глубоком недовольстве армии и крестьянства социально-экономическим укладом русской жизни. Более того, правительственное расследование о причинах восстания на юге установило, что в солдатских массах 2-й армии не так уж редки были рядовые с относительно высоким уровнем политического сознания.

Что все это действительно так, ясно хотя бы из отношения к мятежникам крестьянства и мелких городских мещан. Повстанцев всюду встречали с искренним энтузиазмом. С. И. Муравьев, уже сидя в крепости,

накануне казни, вспоминал как самые яркие моменты своей жизни дни восстания, когда простые мужики с хлебом и солью встречали его отряд, от которого они ждали земли и воли. Впрочем, лучшим доказательством бунтарского настроения крестьянских масс служит мощная волна аграрных беспорядков, прокатившаяся почти по всей юго-западной России в 1826 г. Мужик упорно не хотел верить, что восстание действительно разгромлено. Конец он принимал за начало и мечтал о той самой плебейской расправе с рабским строем, которой так страшились даже левые „южане“. И не только мечтал, но и кое-где приступал к ней.

Помещиков охватил такой панический страх, что весной 1826 г. они массами покидают свои деревни, спеша укрыться в городах.

Только величайшим напряжением сил, включая сюда операции карательных отрядов, правительству удалось удушить к концу 1826 г. крестьянские волнения на Украине.

Революционные настроения, смутные правда, были не чужды и солдатским массам, а не только одиночкам из солдат.

Материалы правительственного расследования о восстании на юге говорят о более чем двухстах „нижних чинах“ и всякого рода фельдфебелях, фейерверкерах, так или иначе связанных с заговором. Даже после ликвидации мятежа некоторые армейские части оставались настолько сомнительными в смысле верноподданности, что Николай поспешил их раскассировать.

Особую тревогу вызывали бывшие семеновские солдаты, составлявшие основной контингент низовых

агитаторов в Южном обществе. Эти последние, несмотря на все официальные „разоблачения коварного подлога“, которым будто бы заговорщики вовлекали солдат в восстание против самодержавного строя, не переставали вести антиправительственную агитацию в 1-й и 2-й армии и после разгрома мятежа. „Хотя в 8-й пехотной дивизии заговор сей между ними (семеновскими солдатами) возник с того только повода,— писал ген. К. Толль в донесении начальнику главного штаба бар. Дибичу 29 марта 1826 г.,— что Муравьев и Бестужев случились в сем корпусе, за всем тем случай сей показывает, сколь падки вообще семеновские солдаты к заблуждению и склонны к беспокойствам; от чего подозревать можно, что и прочие из них, при всяком малейшем поводе, способны впасть в такое же преступление. По сим причинам они в армии оставаться будут всегда сомнительными и, кажется, полезнее удалить их всех в такие места, где бы им преграждены были все пути ко вреду“¹⁾. Под „такими местами“ николаевский генерал понимал Кавказ, куда и были отправлены семеновцы в апреле 1826 г. На Кавказе их подстерегала смерть, если не от пули горца, так от „гиблого“ для россиянина климата. Другие бунтовщики-солдаты не менее жестоко поплатились за попытку низвержения векового рабства, пройдя сквозь строй палочных ударов. Некоторых после экзекуции в 1—3 тысячи таких ударов выносили полуживыми²⁾.

¹⁾ Цитирую по копии с оригинала, хранящегося в Военно-ученом архиве.

²⁾ Материалы по восстанию Черниговского пехотного полка см. в „Восстании декабристов“, т. VI.

Через десятки трупов „верноподданных“ Николай взошел на престол. Новый император был так запуган обстоятельствами своего воцарения, что на всю жизнь сохранил острую ненависть к декабристам. Проявив себя „героем“ весьма сомнительной чистоты в часы восстания на Сенатской площади, Николай зато во всем блеске выступил в качестве тюремщика, следователя и прокурора декабристов, отрезанных от внешнего мира каменными стенами Петропавловской крепости.

Декабристский процесс был первым крупнейшим за весь XIX в. политическим процессом в России. Он длился 6 месяцев. Следственный комитет и сам Николай приняли все меры к тому, чтобы извлечь из арестованных все возможное и даже невозможное. Для добычи показаний не останавливались ни перед физической, ни перед моральной пыткой, — так называемой „пыткой надеждой“¹⁾.

Николай первоначально опасался, что заговор еще, не убит в корне, что, быть-может, в недрах армии и гражданского общества готовится новый, еще более грозный взрыв, и потому затягивал расправу с побежденными, надеясь из них вытянуть указания на эту, реально не существующую, угрозу. Когда же следствие, наконец, показало, что тайные общества разгромлены действительно до основания, Николай ускорила кровавую развязку.

Составленный из титулованных заплечных дел мастеров, суд вынес для подавляющего большинства активных заговорщиков смертные приговоры. Вечная

¹⁾ Так было, например, с Пестелем, Рылеевым, Каховским.

каторга была сравнительно легкой карой. Вся эта жалкая комедия была разыграна для того, чтобы Николай мог проявить себя в ореоле милости и добродетели, умерив несколько драконовские приговоры именем короны.

Однако 131 человек, из более чем 500 привлеченных к процессу, пошли в дальние гарнизоны, в Сибирь на поселение и каторжные работы от 2 до 30 лет.

Декабристы положили, таким образом, и начало политической каторге, как заметному явлению в дореволюционной России вообще.

Но самодержавию этого показалось мало. Николай мстил за страх, пережитый им 14 декабря, и жертвой этой мести пали П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, К. Ф. Рылеев и П. Г. Каховский. Их обрекли на смерть, „с пролитием крови не сопряженную“, как цинично выражался Николай Павлович.

Когда на рассвете 13 июня 1826 г. Пестель и его товарищи испустили, в удавной петле, последний предсмертный хрип — революционная Россия потеряла своих лучших людей.

А русское общество поглупело, — как выражался, кажется, Герцен, — на три аршина и пребывало в этом блаженном состоянии до сороковых годов.

* * *

Декабристы были подавлены, частью физически уничтожены, но снять выдвинутые ими социально-экономические проблемы было не под силу никому, ибо

их рождало экономическое развитие страны и борьба классов, — ведь глубокие социальные противоречия в русском обществе не отмерли вместе с гибелью декабристов. Они были загнаны вглубь и с новой силой прорвались на поверхность почти через сорок лет, в эпоху „великих реформ“.

Что некоторые, по крайней мере, пункты программы декабристов (точнее „северян“) не были „безумной фантазией“ — это должен был признать еще Николай I. Санкционировав выход в свет блудовского „донесения“¹⁾, он поспешил с организацией небезызвестного секретного комитета 6 декабря, тем самым признавая насущную потребность в разрешении крестьянского вопроса. Правда, этот пресловутый, как все последующие, комитет не разрешил да и не намеревался всерьез разрешать стоявшие перед ним задачи. Цель его была, главным образом, в другом — вырвать инициативу преобразований из рук общества, показавшего себя весьма ненадежным, с тем чтоб отказаться от сколько-нибудь существенных перемен установившегося „порядка“.

Но если Николаю удалось увернуться от разрешения этого коренного вопроса русской истории XIX ст., то его преемник Александр II ходом вещей был поставлен в необходимость поспешить с реформой „сверху“. Ибо затяжка этого предприятия еще на десяток — два лет грозила движением „снизу“ — пугачовщиной, вечным кошмаром русских венценосцев.

---

¹⁾ „Донесение следственной комиссии“ дела декабристов. Впервые напечатано по высочайшему повелению в типографии Главного штаба СПб., 1826 г.

Реформы и без того пришли с большим запозданием, к тому же в крайне жалком виде. Страшный социальный взрыв с 19 февраля стал лишь вопросом времени. И этот взрыв действительно разразился в годы великой Октябрьской революции. В свете этих исторических событий и следует рассматривать вопрос о роли декабристов в русской революции.

„Чествуя Герцена,— писал В. И. Ленин,— мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли“. Шире стал круг бойцов, ближе их связь с народом. „Молодые штурманы будущей бури“ — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря это движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 г. Следующий,— говорит Ленин,— начинает расти на наших глазах.

„Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории;— учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда

целые десятилетия отделяют посев от жатвы" ¹⁾).

„Страшно далеки они (декабристы — П. П.) от народа“, но и среди них находились такие, как Сухинов или Андреевич 2-й, действительно близкие к народу, пропагандировавшие идеи восстания в нем. Не даром в „Алфавите“ об Андреевиче говорится: „он уличался и в том, что угрожал смертью каждому, кто отречется от общества и воспротивится оному; говорил, что для установления конспирации необходимо изведение всей августейшей фамилии и что, когда они придут в Петербург, то надобно будет принять меры, чтоб не выпустить государя и там же умертвить его величество; дорогой же убедить чернь в пользе, которая последует для них, когда они не будут подвластны императору“ ²⁾).

---

¹⁾ Ленин, собр. соч., т. XII, ч. I, ГИЗ, 1925 г., стр. 100—101. Разрядка моя — П. П.

²⁾ См. „Восстание декабристов“, т. VIII (т. н. „Алфавит“), стр. 24.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Социально-экономические предпосылки движения декабристов	3
II. Тайные общества декабристов	25
III. Идеология декабристов	31
IV. Восстание	83

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРОЛЕТАРИЙ»

Харьков, ул. Свободной Академии, 5. Тел. 24-57, 42-22, 79-12

БИБЛИОТЕЧКА ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ М. МЕБЕЛЯ, В. НЕВСКОГО И С. ПИОНТКОВСКОГО

НАХОДИТСЯ В ПЕЧАТИ:

1. *Пионтковский* — Образование Российского Государства.
2. *Симонов* — Революция XVII века.
3. *Ульянов* — Разинщина.
4. *Скубицкий* — Украина XVI-XVII вв.
5. *Дубина* — Хмельничина.
6. *Симонов* — Пугачевщина.
7. *Шебунин* — Внешняя политика конца XVII - XVIII вв.
8. *Меерсон* — Крепостное хозяйство XVII века.
9. *Мебель* — Радищев.
10. *Зельцер и Гайсинович* — Дореформенная экономика (формирование промышленного капитализма и подготовка реформы).
11. *Сабуров* — Общественные движения 40 - 50 гг.
12. *Невский* — Общественное движение 60 - х гг.
13. *Гуревич* — Кирилло-Мефодиевское общество.
14. *Гуревич* — Крестьянская реформа.
15. *Эльзов* — Пореформенная деревня.
16. *Цвибак* — Создание крупной промышленности.
17. *Панкратова* — Рабочий класс и рабочее движение второй половины XIX века.
18. *Горев* — Народничество 70 - х гг.
19. *Валк* — Народная Воля.
20. *Анатольев* — Общественное движение 80 - х гг. и социал - демократия.
21. *Карпенко* — Драгомановщина.
22. *Адамов* — Внешняя политика царизма (с начала XIX века).
23. *Ципис* — Предпосылки революции 1905 года.
24. *Кривошеина* — Революция 1905 г. и советы.
25. *Степанов* — Социал - демократия в конце XIX и в начале XX вв. в России.
26. *Тейц* — Финансовый капитал.
27. *Галузо* — Колониальная политика XIX века царской России.
28. *Литвинов* — Столыпинщина.
29. *Берман* — Общественное движение эпохи реакции.
30. *Хвостов* — Раздел мира и царская Россия.
31. *Ерусалимский* — Война 1914 — 1917 годов.
32. *Ерусалимский* — Февраль.
33. *Пионтковский* — Октябрь.
34. *Игнатовский* — Белоруссия в XIX - XX вв.
35. *Сеф* — Октябрь в Закавказьи.
36. *Галузо - Цвибак* — Туркестан в XVIII - XX вв.

ЦЕНА 45 КОП.

